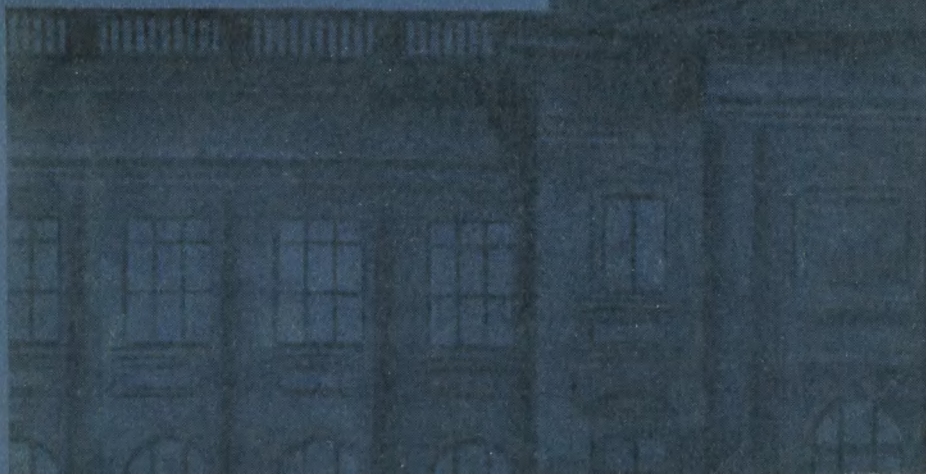

73 (V/19)
M33

MATBEEB

МЮНХЕН НЕ ПОВТО- РЯЕТСЯ

В. А. Матвеев

МЮНХЕН НЕ ПОВТОРИТСЯ!

Издательство
„Международные отношения“
Москва 1970

Автор — советский международник, политический обозреватель «Известий», — рассказывая о трагических судьбах чехословацкого народа, выданного гитлеровской Германией в результате мюнхенского предательства западных «миротворцев» в канун второй мировой войны, вскрывает тайный механизм подготовки и осуществления сделки в Мюнхене. В книге подчеркивается актуальность этого урока истории с точки зрения тех событий, в центре которых оказалась Чехословакия, ставшая объектом подстрекательской, провокационной кампании со стороны империалистических кругов Запада.

■

Человечество потеряло за время второй мировой войны 50 млн. человек убитыми, замученными, умершими от голода и эпидемий. Это в два с половиной раза больше, чем погибло в первой мировой войне. Если катастрофа повторится в третий раз, она принесет неизмеримо больше жертв и бедствий.

Погибших не воскресить. Но они напоминают о неоплатном долге живущих, об ответственности за настоящее и будущее нашей планеты.

Избежать катастрофы ядерного конфликта — это значит и извлечь в полной мере уроки из не столь давней истории.

Как и первая, вторая мировая война возникла внутри капиталистической системы в результате нарастания империалистических противоречий. Но полной аналогии между этими войнами нет. В 1914 году мир был разделен на две военно-империалистические коалиции, стремившиеся к переделу политической карты планеты. Тогда не было стран, где бы было покончено с капиталистическим строем и установилось народовластие. Не было стран с фашистской диктатурой. На это обстоятельство указывалось в Постановлении Президиума ИККИ по вопросу об угрозе войны от 1 апреля 1936 г. В нем, в частности, говорилось о том, что единая международная рабочая политика требует разного отношения к агрессору, с одной стороны, и жертвам его нападения — с другой¹. Обуздание фашистских зачинщиков войны, борьба за сохранение мира — центральная задача всего международного проле-

□

¹ Этот документ Коминтерна был впервые опубликован в журнале «Коммунист», 1969 г., № 2, стр. 8.

тариата, как подчеркивалось в этом документе, выдвигавшем программу борьбы против фашистской угрозы, программу широкого единения сил мира, демократии, прогресса для отпора всем силам агрессии, пока еще не было поздно.

Такой антивоенный фронт, несмотря на энергичные усилия Советского Союза, коммунистических партий, создать не удалось. Это позволило фашистским хищникам вырвать для себя у Запада новые уступки, набирая силы и расшатывая основы мира. Правительства западных держав сидели не просто сложа руки, а помогали хищникам в их разбойничьих действиях. Было ли это близорукостью, ошибкой со стороны правительств Запада? Нет, они поступали так, движимые мотивами антикоммунизма, антисоветизма. В лице нацистов правители Лондона, Вашингтона, Парижа видели силу, которую они стремились направить против Советского Союза.

Эта тема еще не исчерпана. Появляются новые, ранее сокрытые факты, документы о кулисах подготовки войны. Во-вторых,— и это самое существенное — на Западе по-прежнему предпринимаются упорные попытки обелить тех, кто несет ответственность перед народами, перед историей. А ведь люди старшего поколения, бывшие очевидцами событий недавней истории, уступают место послевоенному поколению.

Именно молодежь, которой предстоит столько сделать, должна в первую очередь заботиться во имя жизни о том, чтобы правда истории, ее уроки не забывались, а помогали ориентироваться в настоящем и грядущем. Сколько юношей на Западе доверчиво внимали речам Чемберлена, Галифакса, Боннэ, Буллита, Гувера и, убаюканные, становились добычей фашистских хищников!

Какие могут быть тут параллели? Разве действуют новые Гитлеры? Подобное недоумение на лицах изображают сегодня на Западе те, кому надлежало бы разбираться в международных делах, а не имитировать «наивность» своих незадачливых предшественников. Облеченные властью деятели в Западной Германии во всеуслышание заявляют о своем стремлении переделать существующие в Европе государственные границы. Есть в ФРГ и кандидаты на место новоявленных фюреров

Эта поджигательская активность пока не приняла масштабов, какими характеризовалась экспансия фашистских держав. Но что же, ждать, когда это станет фак-

том, и тогда приниматься за отпор нарушителям мира и спокойствия? Уроки истории требуют, чтобы это делалось заблаговременно, а не тогда, когда начнут падать пограничные столбы. Таков один из главных выводов, который следует сделать из событий 30-х годов, в течение которых человечество все стремительнее несло в пучину войны.

Немало деятелей на Западе любят при каждом случае заверять, что они и их правительства учли уроки второй мировой войны и не повторяют прежних «ошибок». Очень часто в этой связи упоминается о том, что теперь, дескать, нового Мюнхена не будет, что интересы мира и безопасности не будут принесены в жертву. Если посмотреть, что скрывается за такими клятвами против нового Мюнхена со стороны тех, кто является партнером западно-германских милитаристов, то окажется, что речь идет о таком же пропагандистском тумане, каким сопровождался сам Мюнхен — чудовищное предательство интересов мира и безопасности, совершенное осенью 1938 года, когда правительства Запада выдали Чехословакию нацистам в расчете на то, что гитлеровская агрессия двинется на Восток, против Советского Союза.

События, связанные с мюнхенской сделкой, будут еще долго привлекать внимание, причем не только историков. В Мюнхене содержались все элементы трагедии, обрушившейся на человечество в результате развязывания фашистской агрессии: срыв усилий по созданию коллективного фронта отпора гитлеровской Германии в критические месяцы 1939 года, начало второй мировой войны, блицкриг нацистов на Западе весной 1940 года, капитуляция Франции, Дюнкерк, «новый порядок» с майданеками, освенцимами, бухенвальдами...

Это еще не совсем закрытая, не полностью перевернутая страница истории. Правительство ФРГ не желает признавать недействительность мюнхенского соглашения с самого его начала, стремясь тем самым выгородить авторов этого преступного сговора. Уклончивую, двусмысленную позицию занимает по этому вопросу британское правительство. 27 сентября 1968 г. агентство Пресс Ассошиэйшн сообщило, что во время состоявшейся в тот день встречи в министерстве иностранных дел в Лондоне посол Чехословакии убеждал британское правительство объявить недействительным мюнхенское соглашение с самого начала. Представитель Форин оффиса «пообещал, что просьба посла будет изучена правительством». Но что

тут «изучать»? И сколько можно «изучать»? Еще тридцать лет?

Речь идет не о казуистике, а о вопросе, жизненно важном для судеб европейского мира. За нежеланием руководящих политиков Запада четко заклеить мюнхенское соглашение скрывается забота о том, чтобы не вызвать раздражения у влиятельных деятелей ФРГ. Реваншистская окраска этих деятелей не очень смущает тех политиков Запада, которые связывают с бундесвером и участием ФРГ в системе НАТО замыслы, направленные против Советского Союза и других социалистических стран. Так из прошлого перебрасывается мостик в настоящее. Зловещий мостик!

В принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г. Документе «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил» указывается на необходимость борьбы за незыблемость существующих границ в Европе, международно-правовое признание Германской Демократической Республики, недопущение Западной Германии к атомному оружию в любой форме, отказ ФРГ от притязаний на представительство всей Германии, признание Западного Берлина особой политической единицей, признание недействительным мюнхенского диктата с самого начала, запрещение всех неонацистских организаций.

Таким образом, в числе важнейших условий обеспечения мира и безопасности фигурирует и требование о том, чтобы никто и ни под каким видом не пытался гальванизировать, оживить позорный мюнхенский сговор, который с самого начала представлял собой грубейшее попрание норм международного права, разбойничий акт фашистских агрессоров и их покровителей.

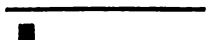
То, что не было тайной в 30-х годах, когда подрывались основы всеобщего мира, теперь подтверждается массой документальных данных: антисоветские устремления правительств Запада явились главнейшим фактором, сыгравшим на руку фашистским агрессорам, ослабившим ряды миролюбивых стран. Почвой для мюнхенского предательства был антисоветизм, антикоммунизм.

В целях изоляции Советского Союза, канализации фашистской агрессии против СССР, борьбы против того, что именовалось «красной опасностью», правящие круги

Запада умасливали, ублажали фашистских главарей, хотя было ясно, что их аппетиты неутолимы, что они задумали передел мира, завоевание мирового господства.

Противоречия в капиталистическом лагере достигли к концу 30-х годов крайней остроты. Фашистские державы наступали на торговые, экономические позиции Англии, Франции и США. Фабриканты Рура сумели быстро оправиться от поражения Германии в первой мировой войне на «дрожжах» американских и английских займов. Запад, таким образом, пожинал то, что посеял. Самое худшее еще было впереди, так как политика поощрения фашистской агрессии принимала все более широкие масштабы. Здание мира колебалось все сильнее.

Помнить об уроках тех лет, сделать из них нужные выводы необходимо, чтобы человечество не оказалось ввергнутым в гораздо более страшную катастрофу.

ПРЕДВЕСТНИКИ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ТРАГЕДИИ

Всякий, кто изучает историю предательства, приведшего к отторжению от Чехословакии жизненно важных районов, а затем ее захвату нацистами, не может не поразиться скорости, с какой агрессоры сумели добиться осуществления своих замыслов. Еще весной 1938 года независимость Чехословакии не была под вопросом, а к осени того же года она оказалась беззащитной перед гитлеровцами, ибо ее связали по рукам и ногам те, за кем она следовала с начала своего существования в качестве самостоятельной республики после отделения от империи Габсбургов.

Мюнхенский сговор был кульминационным пунктом политики уступок фашистским агрессорам, проводившейся правительствами Запада, а не первым их грехопадением. Угроза расправы нацистов над Чехословакией, возникшая весной 1938 года, была восьмым серьезным покушением на основы мира и безопасности за период начиная с 1931 года.

Осенью 1931 года японские милитаристы под предлогом «угрозы Советского Союза» захватили северо-восточные районы Китая, сосредоточили войска вблизи советской границы, предприняли провокации для разжигания конфликта с СССР. Было важно, чтобы эта первая серьезная вылазка против интересов мира встретила твердый отпор. Но правительства западных держав демонстрировали невозмутимость. В Вашингтоне не имели ничего против того, чтобы Японией «занялся» один Советский Союз, позволив США быть «третьим радующимся».

Весной 1935 года гитлеровская Германия объявила об отказе от соблюдения статей Версальского договора, налагавших ограничения на ее военный потенциал. Была введена всеобщая воинская повинность. Армия мирного

времени должна была достигнуть 500 тыс. человек. Реакция Лондона на эти вызывающие акции в июне того же года состояла в оформлении англо-германского морского договора, в соответствии с которым Германии разрешалось создание военного флота, в четыре раза превышавшего размеры, зафиксированные в Версальском договоре.

В октябре 1935 года Муссолини двинул итальянские войска на завоевание Эфиопии. В репортаже об этой войне Э. Хэмингуэй писал, что Муссолини стал «героем всей ротермиверской прессы в Англии благодаря утвердившемуся там мифу, что он, Муссолини, спас Италию от опасности стать красной»¹. Усилия Советского правительства добиться принятия через Лигу наций эффективных санкций против агрессоров наталкивались на саботаж англо-французской дипломатии. Даже те скромные меры, которые были утверждены Лигой наций, чтобы осадить агрессоров, сводились на нет обходными маневрами Лондона, Вашингтона, Парижа. Муссолини мог завершать операции по оккупации Эфиопии.

В марте 1936 года гитлеровские войска в нарушение условий Локарнского договора заняли демилитаризованную Рейнскую зону. И снова фашистские диктаторы избежали неприятностей, хотя Локарнский договор обязывал Францию принять твердые меры вплоть до военной силы для соблюдения его положений. Робкая попытка французского правительства заручиться поддержкой Лондона для контрмер против Германии вызвала на другом берегу Ла-Манша негодующую официальную реплику в том духе, что Гитлер волен распоряжаться на своем «заднем дворе». Нужен был минимум решительности, чтобы заставить отступить фюрера. Не было секретом, что Берлин немедленно вернул бы войска, введенные в Рейнскую зону, если бы даже одна Франция продемонстрировала стойкость в сопротивлении реваншистам. Но они снова торжествовали.

В июле 1936 года генерал Франко поднял фашистский мятеж против республиканского правительства в Испании. Вскоре в Испании высадились первые 6,5 тыс. «добровольцев» из Германии и Италии. При штабе Франко появился особополномоченный вермахта. К началу 1937 года на стороне Франко действовало 40 тыс. регуляр-

□

¹ Э. Хэмингуэй, Собрание сочинений, т. I, М., 1968, стр. 492.

ных итальянских войск. Ответом Запада на вооруженную интервенцию итало-германского фашизма в Испании было провозглашение «политики невмешательства». Лучшего в Берлине и Риме не могли желать!

Одно роковое звено тянуло за собой другое. Летом 1937 года Япония зажгла пожар войны на Дальнем Востоке, приступив к военным действиям в Китае. И опять западные дипломаты воздевали руки к небу, в то время как фашистские бомбы сеяли смерть и разрушение.

Почва колыхалась все сильнее и на европейском континенте. В марте 1938 года гитлеровцы покончили с независимостью Австрии, присоединив ее к рейху. Советское правительство предложило принять немедленно твердые меры для спасения мира на основе создания системы коллективной безопасности. Британское правительство, на которое равнялась Франция, ответило на призыв Москвы издевательской фразой о нежелании Англии раскалывать Европу на «идеологические блоки». Это говорилось в момент, когда фашистские державы не только сколотили уже свои агрессивные блоки, но и приступили к переделу политической карты мира.

То была не просто апатия в отпоре агрессии. Правящие политики Запада действовали так, будто расшатывание устоев мира и безопасности в Европе отвечало национальным интересам их стран. Первым крупным шагом в таком направлении после прихода Гитлера к власти был проект «пакта четырех», переговоры о котором начались в 1933 году правительствами Англии, Франции, Италии и Германии. Проект пакта был подготовлен, но не ратифицирован. Помешали протесты возмущенной западноевропейской общественности. Однако идея сотрудничества этих стран в вопросах европейской политики, нарочито исключавшего Советский Союз, стала ориентиром политики «умиротворения».

Расчеты, лежавшие в основе такого образа действий, выразил в своей книге «Взгляд вперед», вышедшей в 1936 году, видный деятель консервативной партии Англии, занимавший в течение ряда лет министерские посты, — Леопольд Эмери. Он писал: «Мы (в Англии. — Авт.) понимаем германское чувство угрозы, настоящей или потенциальной со стороны России с ее чуждой политической верой и ее огромными ресурсами. Мы понимаем опасения Германии, что в случае конфликта с Россией она сможет быть атакована с тыла и фланга. Я хотел бы, чтобы мы

недвусмысленно объявили не только Германии, но и Франции, что мы не примем никакого участия и не будем поощрять какое бы то ни было вмешательство в русско-германский конфликт. Мы должны поставить своей открытой целью добиваться мирной реорганизации континентальной Европы на основе признания равенства трех руководящих держав: Германии, Франции и Италии при нашем дружеском содействии. **Существенным условием подобной реорганизации должно быть исключение России** (выделено мной.— *Авт.*)»².

Л. Эмери в дальнейшем отошел от безоговорочной поддержки курса на «умиротворение» фашистских держав, убедившись в несбыточности расчетов на желанное для Лондона «взаимопонимание» с их стороны. Тем примечательнее, что этот буржуазный деятель все же попался на удочку антикоммунистической пропаганды фашистов, уверовав в них как в партнеров Англии, и лишь потом взглянул на вещи осмотрительнее.

Британский историк З. Земан в книге «Нацистская пропаганда» называл антикоммунизм «пропагандистским золотым дном» для нацистов. Эта пропаганда «убедила европейцев, что диктатура Гитлера приемлема., что Германии — оплоту против большевизма — следует разрешить усиливать свою мощь»³.

Первым прямым результатом такой политики было усиление проникновения Германии в страны Центральной и Восточной Европы. Летом 1933 года на Международной экономической конференции в Лондоне представитель гитлеровского правительства огласил меморандум с требованием «свободы рук» для германских монополий в экономической экспансии в страны Восточной Европы и на Балканах. Захваченные после разгрома гитлеровской Германии документы из фашистских архивов показывают, какие усилия прилагали дипломаты рейха для того, чтобы осуществить замысел главного финансового советника Гитлера Шахта о создании в Дунайском бассейне экономического блока, находящегося в зависимости от Германии. В соответствии с этими замыслами Берлин заключил в 1934 году торговые соглашения с Венгрией и Югославией. Фашистская дипломатия развила лихорадочную дея-

□

² Цит. по «Мировое хозяйство и мировая политика», 1939 г., № 10, стр. 35—36.

³ Z. Z e m a n, Nazi propaganda, L., 1965, pp. 85, 102.

тельность для усыпления бдительности восточноевропейских стран декларациями о «дружбе» и «сотрудничестве» с ними. Добившись с помощью британской дипломатии заключения договора о ненападении с панской Польшей, фашистские главарь пробьли серьезную брешь в системе союзов, созданной Францией после первой мировой войны для сохранения статус-кво в Европе.

Занимая ключевое стратегическое положение в центре Европы, Чехословакия была основной опорой послеверсальской системы в этой части континента, опорой не только дипломатической и политической, но и социальной. С самого начала провозглашения независимости Чехословакии в октябре 1918 года и до 1935 года у руля внешней политики страны стоял Эдуард Бенеш. Он происходил из крестьянской семьи, закончил факультет философии в Пражском университете, затем поступил в Сорбоннский университет в Париже. Годы первой мировой войны он провел во Франции — сперва журналистом, потом в качестве ближайшего помощника Томаса Масарика — политического лидера чешской буржуазии. Накануне первой мировой войны Масарик писал, что чехи не могут быть самостоятельными «вне Австрии рядом с сильной Германией». Это отражало его склонность к компромиссам, сделкам с монархией Габсбургов.

К концу войны Масарик и его коллеги пришли к выводу, что державы Антанты могут быть заинтересованы в самостоятельной Чехословакии. Ведя переговоры с союзниками о создании республики, политические эмиссары чешской буржуазии в Париже и Лондоне подчеркивали, что именно они в состоянии «ликвидировать большевизм в Вене... Уничтожить ту же опасность в Венгрии». На это указывал в своем меморандуме в октябре 1918 года Э. Бенеш. В меморандуме отмечалось, что из Чехословакии можно оказывать непосредственное влияние на события в Австрии, Венгрии, Польше, России...⁴

Революция в России оказала сильное воздействие на подъем национально-демократического движения в Богемии, Моравии, Словакии. Волна народных выступлений там нарастала, хотя им не хватало организованности, целеустремленности. Буржуазию охватила тревога. В но-

⁴ См. В. Краль, О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша, ИЛ, 1955, стр. 104—105.

ябрьские дни 1918 года один из ее деятелей, Крамарж, общал в Париж Бенешу из Праги о необходимости срочной присылки туда иностранных войск, «нужных против угрозы большевизма».

Бенеш тем временем договорился о включении чехословацкой армии в состав французской. Одним из первых актов только что сформированного правительства Чехословакии было предложение Парижу и Лондону об участии в подавлении венгерской революции. «Наводился порядок» и внутри Чехословакии. К концу 1920 года буржуазия подавила в стране демократическое движение и приступила к выполнению обязательств, взятых перед Лондоном и Парижем о превращении Чехословакии в оплот против большевизма, в центральное звено антисоветского «санитарного кордона». Во имя этой цели в начале 20-х годов были заключены соглашения о союзе с Румынией и Югославией — создана так называемая Малая Антанта. При активном участии Праги была сколочена так называемая Прибалтийская Антанта. Предприятия Шкода стали главным поставщиком вооружения для стран Восточной Европы, которым в Париже и Лондоне отводилась роль военных плацдармов, нацеленных против СССР.

В январе 1924 года был оформлен союз между Францией и Чехословакией, привязавший Чехословакию накрепко к Западу. Эти шаги преподносились общественности Чехословакии как защита ее национальных интересов. Занимая сильные позиции, социал-демократы с их демагогией позволяли крупной буржуазии маневрировать, удерживать под своим влиянием значительные слои трудящихся. Компартии приходилось бороться в трудных условиях.

Слепая ориентация правящих политиков Праги на Запад, их враждебность к Советскому Союзу, в результате чего Чехословакия отказывалась «признать» де-юре Советский Союз вплоть до 1934 года, — все это делало как международные, так и внутренние позиции Чехословакии уязвимыми. Это отчетливо выявилось во время экономического кризиса, потрясшего мир капитализма в начале 30-х годов. Крах крупнейших банков Германии и Австрии в 1931 году нанес удар не только по финансам Чехословакии, но и по всей ее экономике. Бремя кризиса легло на трудящиеся массы, а буржуазия жила припеваючи.

К этому добавилась все более угрожающая подрывная деятельность внутри страны агентуры гитлеровцев. Она опиралась на три миллиона немцев, проживавших в пограничных с Германией районах страны — в Судетах. Вскоре после организации в Баварии нацистских банд аналогичные группировки появились в Богемии. В 1929 году в чехословацкий парламент прошло восемь депутатов от нацистской партии в Судетах. В том же году она направила своих посланцев на фашистский слет в Нюрнберге. Началась агитация за присоединение Судет к Германии.

Принятые властями в Чехословакии меры против этой активности заставили судетских нацистов самораспуститься. Это был маневр. В октябре 1933 года на арену выходит новый вожак фашистской «пятой колонны» в Чехословакии — бывший учитель гимнастики в Судетах Конрад Генлейн. В его фонды сразу потекли солидные взносы не только из Берлина, но и от крупных чешских фабрикантов, увидевших в судетском фюрере орудие для борьбы против «коммунистической опасности». Как отмечал американский автор Д. Лассер в книге «Частная монополия», чешский концерн Шкода оказал немалую помощь и нацистам в Германии, когда те протаскивали Гитлера на пост рейхсканцлера⁵. Так что уж для «своих» нацистов крупные чешские буржуа могли тем более не скучиться!

Генлейн развешивал пропаганду под лозунгами, не отличавшимися от нацистских. На видном месте стояло требование о переориентации чехословацкой политики на гитлеровскую Германию. Несмотря на сопротивление широких масс населения Чехословакии этим посягательствам, фашистские происки оказывали свое влияние на внешнюю политику страны. После парламентских выборов в мае 1935 года президентом вместо Т. Масарика стал Э. Бенеш. На пост министра иностранных дел был назначен близкий к Бенешу Крофта. Бенеш фактически продолжал руководить внешней политикой. Часть деятелей, представлявших так называемое «национальное объединение» — вышедшую на сцену в 1935 году группировку крайне правого крыла крупной буржуазии, — все настойчивее добивалась сближения с гитлеровской Германией

□

⁵ См. D. L a s s e r, Private monopoly, N. Y., 1945, p. 37.

и усердно обхаживала генлейновцев. Так же действовал и новый премьер Годжа — видный деятель аграрной партии, настроенной весьма благожелательно к гитлеровскому правительству.

Как червь подтачивает плод изнутри, так и нацисты через свои «пятые колонны» в странах, предназначенных к захвату, расшатывали их оборону, тыл для атаки извне. Опасность такой дезорганизации состояла в том, что она происходила не всегда заметно для остального мира, подкашивала силы жертвы, облюбованной фашистами, не сразу, а по этапам, «по кускам», причем пособники фашистов маскировались под «внутреннюю оппозицию», хотя их устремления концентрировались в совершенно определенном направлении, отвечавшем замыслам агрессоров. Вот почему объектом атак могильщиков независимости Чехословакии сразу стал договор о взаимопомощи, заключенный правительством Чехословакии с Советским Союзом в 1935 году в значительной степени под воздействием Франции.

Саботаж этих договоров начался в Париже и Праге сразу после их подписания и продолжался до тех пор, пока они не потеряли всякий смысл, будучи похороненными на той же конференции, на которой была предрешена участь Чехословакии, то есть в Мюнхене. В этом отношении позиции бенешевской группировки и аграриев смыкались. Антикommунизм был ядовитой кислотой, разъедавшей организм Чехословакии, подготовлявший капитуляцию в Мюнхене.

После заключения «Антикоминтерновского пакта» между Берлином и Токио в ноябре 1936 года посланник Чехословакии в Берлине Мастны в беседе с гитлеровским министром иностранных дел фон Нейратом выражал полное согласие с его точкой зрения, что «для уничтожения большевизма достаточно кооперации между полицейскими органами отдельных государств подобно той, какая существует и исправно функционирует между Чехословакией и Германией»⁶.

Кулак заносился над патриотами, готовыми самоотверженно бороться для отпора захватчикам! Коммунистическая партия Чехословакии не переставала звать трудя-

□

⁶ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», М., 1959, стр. 435.

щихся страны на создание прочного фронта сопротивления агрессорам, разоблачая происки реакции, добиваясь от правительства Чехословакии действенного сотрудничества с Советским Союзом. В конце 1937 года в заявлении КПЧ указывалось: «Народы ЧСР в самый короткий срок могут быть поставлены перед таким же испытанием в вопросе защиты независимости страны и демократических свобод, перед каким уже стоят народы Испании и Китая. Проблемы внутренней политики Чехословакии сегодня самым тесным образом связаны с развитием международной обстановки и с внешнеполитическими проблемами...»⁷.

Наращение фашистской опасности не побуждало правящие круги Чехословакии относиться серьезнее к договору с Советским Союзом. Напротив, в Праге все больше склонялись к мысли о том, чтобы поладить с гитлеровцами, сменить один ориентир на другой, приняв роль младшего партнера Берлина для сохранения классовых позиций буржуазии в стране. В начале января 1938 года нацистский посланник в Праге докладывал в Берлин, что «договор о союзе с СССР своего развития (в Чехословакии.— *Авт.*) не получил, наоборот, он захирел... В результате антибольшевистской пропаганды, поднятой Германией и Италией, проявляется нежелание выступать бок о бок с таким компрометирующим союзником...»⁸.

Такие депеши из Праги звучали для нацистов сигналом к форсированию их притязаний, тем более что западные «друзья» и «союзники» Чехословакии демонстрировали все, что угодно, но только не стремление поддержать ее.

□

⁷ «Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939», стр. 466.

⁸ «Documents on German Foreign Policy (1918—1945)» (далее: DGFP), Series D, vol. II, No 47, L., 1949—1951, pp. 99—100.

Из шумного Лондона по шоссе, бегущему среди живописной холмистой местности, до поместья миллионеров Асторов в Кливдене час-полтора езды. Поблекший от времени особняк. К нему с одной стороны примыкает обширное открытое пространство с газонами, песочными дорожками, скульптурами. Кудрявые рощи спускаются по склонам к водам мутноватой Темзы. Внутри особняка — гобелены, массивные дубовые резные украшения и везде: в гостиной, коридорах, кабинетах — цветы в вазах — увлечение хозяйки дома, леди Астор.

Еще увлекалась эта дама американского происхождения, осевшая на британской почве, политикой. Ее дом служил главным политическим салоном Лондона в 30-х годах. Среди гостей, расписывавшихся в книге посетителей, были члены аристократических фамилий Солсбери, Кавендишей, Лэнсдоунов, Бальфуоров, главы правительств, послы, лейбористские политики с их женами, американские миллионеры, редакторы газет, среди которых всегдаем Кливдена был Джеффри Доусон — редактор газеты «Таймс», и многие знаменитости не только Англии, но и других стран Запада. С середины 30-х годов и позже в этом обществе все чаще появлялись фашистские эмиссары из Берлина и Рима. Любимцем Асторов был фон Риббентроп.

Тут можно было почерпнуть немало интересных сведений. 7 июня 1935 г. Болдуин заменил Макдональда на посту премьер-министра, а перед этим провел свой уикэнд в Кливдене. Преемник Болдуина Н. Чемберлен провел в Кливдене три дня, с 26 по 28 марта 1938 г., обдумывая положение, сложившееся после захвата гитлеровской Германией Австрии. По этому случаю в Кливдене собрались «сливки» лондонского света — преимущест-

венно политики, родственные по духу Чемберлену. Именно с этого мартовского уикэнда в английской печати промелькнуло выражение о «кливденской клике», что вызвало сразу сердитые опровержения в «Таймс», собственниками которой были Асторы.

Опровергать можно было лишь дату: не с марта 1938 года, а значительно раньше следовало вести летопись дискуссий в Кливдене по вопросу о том, как добиться ансамбля западных держав с неперменным участием гитлеровской Германии. Первые шаги были сделаны лейбористским премьером Макдональдом в 1933 году, но из идеи «пакта четырех» ничего тогда не вышло. Консерватор Болдуин вложил в это дело свою лепту, когда поддержал весной 1936 года идею «нового Локарно». Эта фраза часто слышалась за столом званных обедов в Кливдене, где председательствовала леди Астор, имевшая обыкновение оттирать в сторону своего менее энергичного супруга.

Над «новым Локарно» хлопотали многие британские деятели, подставлявшие ухо гостям из Берлина вроде фон Риббентропа, с их заклинаниями против коммунизма как «общего врага западной цивилизации». 2 июня 1936 г., например, на обеде у Асторов Риббентроп говорил о том, что Германия и Англия должны быть «новым центром притяжения для менее крупных стран в Европе»¹.

С августа 1936 года Риббентроп стал гитлеровским послом в Лондоне, превратив Кливден чуть ли не в свою вторую резиденцию. Между Лондоном и Берлином шел активный обмен мнениями о целесообразности поездки в Берлин Болдуина для переговоров с Гитлером. В то время дело ограничилось визитом Ллойд-Джорджа и его аудиенцией у фюрера, принявшего 4 сентября 1936 г. убежденного сединой гостя с распростертыми объятиями и речами, в которых изливался гнев по поводу франко-советского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи. «„Новое Локарно“, — подчеркивал Гитлер, — должно аннулировать эти пакты, тем более что страны Запада происходят от одной расы и должны найти общий язык. Враг — большевизм, поэтому Западной Европе надо стоять вместе против этой угрозы...

Ллойд Джордж с готовностью подхватил эти речи и

□

¹ Thomas Jones, A Diary with Letters, L., 1954, p. 215.

попытался выяснить условия присоединения гитлеровской Германии к «новому Локарно».

Гитлер заговорил об «испанском деле». Оно внушает ему беспокойство. Надо что-то сделать для обуздания в странах Запада элементов, действующих в „интересах большевизма”»².

История оставила много свидетельств об интенсивных зондажах и переговорах «западных демократов» с фашистскими правителями, но приведенная выше беседа примечательна по ряду обстоятельств. Перед Гитлером очутился не какой-нибудь мелкокалиберный политик, а деятель маститый, опытный, провести которого на мякине, казалось, было трудно. Тем не менее Ллойд-Джордж с легкостью неопытной гимназистки попался в расставленные сети. Впоследствии он отрезвел и понял, что желанного «бизнеса» с Гитлером не сделаешь, но многие коллеги Ллойд-Джорджа попались в фашистскую ловушку.

Вместе с тем данная беседа с Ллойд-Джорджем вскрывает тактику нацистских главарей: не допустить образования антиагрессивного фронта в Европе, подорвать систему соглашений, призванную укрепить основы европейской безопасности. В тайных зондажах в Лондоне и Париже гитлеровцы убеждались, сколь не расположены руководящие политики Запада идти на сотрудничество с Советским Союзом в интересах мира и безопасности. Это развязывало им руки, они призывали западные державы предпринимать шаги в целях расправы с антифашистски настроенными кругами, в целях помощи фашистским заговорщикам типа генерала Франко. В начале 1937 года в Лондоне рассматривался вопрос о британских заверениях Гитлеру, вплоть до публичных деклараций, что «красным не будет позволено одержать триумф в Испании»³.

Деятельность правительства Стэнли Болдуина на поприще заигрывания с нацистами, как и его общее руководство, вызывала в среде крупной буржуазии нарекания. Болдуина считали недостаточно энергичным, напористым в проведении избранного курса.

В мае 1937 года премьер-министром стал Невиль Чемберлен, «человек действия», как характеризует его

□

² Thomas Jones, A Diary with Letters, pp. 245—246.

³ Ibid., p. 305.

Л. Эмери. Один из двух сыновей Джозефа Чемберлена — глашатай имперской политики на рубеже XIX и XX столетий — Невиль начал свою карьеру с плантатора на Багамских островах. Не преуспев в этом, он присоединился в Бирмингеме к семейному бизнесу, который основывался на производстве оружия и расцвел в годы первой мировой войны. С начала 20-х годов Н. Чемберлен отдается политике, занимая ряд министерских постов. Достаточно было только взглянуть на этого джентльмена с его постоянно мрачноватым лицом, похожим на облик ворона, обвисшими усами и неизменным зонтиком в руках, чтобы прочесть в нем кастовость, твердолобость стопроцентного тори.

Одним из первых шагов Чемберлена на посту премьер-министра было указание Форин оффису разработать программу действий с целью широкой договоренности с Гитлером. В ноябре 1937 года Чемберлен пригласил французского премьер-министра Шотана и министра иностранных дел И. Дельбоса в Лондон, чтобы обсудить вопрос об общем урегулировании с Германией⁴. Послом в Берлин был назначен Невиль Гендерсон. Свою деятельность он начал с меморандума, содержание которого, несомненно, было навеяно тем, что приходилось слышать этому дипломату из уст своего шефа. Меморандум гласил: Восточная Европа, «без всякого сомнения, не обрела своего определенного урегулирования на все времена и не представляет жизненного интереса для Британии, а германец, конечно, более цивилизован, чем славянин, и, если к нему умело подойти, в конце концов потенциально менее опасен для британских интересов — можно даже сказать, было бы несправедливым пытаться мешать Германии завершить дело ее объединения или вести приготовления к войне против славян, при условии что ее приготовления дают уверенность Британской империи, что они не являются одновременно направленными против нее»⁵

Лондонская газета «Таймс», опубликовавшая 23 сентября 1968 г. выдержки из этого меморандума, заметила, что под термином «славяне» надо было понимать русских!

□

⁴ См. Л. Эмери, Моя политическая жизнь. ИЛ, 1960, стр. 467.

⁵ «The Times», 23.IX.1968.

Вскоре после того, как в этих грубо-циничных чертах была изложена схема антисоветского сговора с гитлеровцами, Н. Чемберлен поручил лорду Галифаксу деликатно ответственную миссию: отправиться в Берлин для серьезной разведки намерений нацистов. Галифакс не занимал тогда высокого официального поста (министром иностранных дел он стал в начале 1938 года). Краткие инструкции, данные ему перед отъездом в Берлин, гласили, что Англия «не желает братья за оружие, чтобы мешать территориальным переменам в Центральной и Восточной Европе». Публично об этом Лондон заявлять пока не хотел, а ставил в известность Берлин через конфиденциальные каналы.

Переговоры Галифакса с Гитлером состоялись 17—21 ноября 1937 г. С первых же слов визитер заявил о желании его правительства достигнуть «англо-германского взаимопонимания». У фюрера «великие заслуги»: «в результате уничтожения коммунизма в своей стране, он преградил путь последнему в Западную Европу, и поэтому Германия по праву может считаться бастионом Запада против большевизма»⁶. Биограф Галифакса граф Биркенхед (книга о нем вышла в 1965 г.), излагая впечатления Галифакса от этой встречи с Гитлером, замечает, что Гитлер «оживлялся» всякий раз, когда упоминалось о Советской России⁷. Большого для Галифакса и его шефа не требовалось — пока... Обнадеженный такой реакцией фюрера, британский гость присовокупил к тирадам против коммунизма уже нечто более осязаемое, существенное для своего собеседника. Он многозначительно упомянул о том, что британское правительство не исключает возможности «изменений существующего европейского порядка». К таким «изменениям, которые, вероятно, рано или поздно произойдут», он отнес Данциг (Гданьск), Австрию и Чехословакию⁸.

Речь шла о поощрении агрессии. Гитлера даже подталкивали к действию. При этом подчеркивалось, что он не должен прибегать к вооруженной силе для захвата указанных стран и территорий, а должен осуществить

□

⁶ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, М., 1948, стр. 16.

⁷ См. «Sunday Telegraph», 11.VII.1965.

⁸ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, стр. 35.

свои замыслы путем «мирной эволюции», «урегулирования». Что же касается планов действий против Советского Союза, то от нацистов ожидалось использование максимальной силы и давалось заверение, что Запад не будет препятствовать их походу против большевизма, даже обещалось содействие. Нетрудно догадаться, почему заговорщики опасались преждевременного применения гитлеровцами оружия. В таком случае их игра с нацистами могла сорваться из-за сопротивления широкой общественности. Война в Испании являлась в этом смысле наглядным примером. Открытое вмешательство «оси Берлин — Рим» в эту войну вызвало рост антифашистского движения во многих странах и затруднило комбинации Чемберлена и ему подобных. В случае нового открытого вооруженного выступления фашистских держав карты «умиротворителей» могли быть совсем спутаны. Они делали ставку на бесшумную «мирную» выдачу агрессорам их жертв в Центральной и Восточной Европе как прелюдию к грохоту пушек на советско-германском фронте.

Спустя восемь дней после возвращения Галифакса из Берлина в Лондон было принято совместное англо-французское решение об оказании давления на Прагу. От нее требовали уступок судетским немцам, притязавшим на так называемую «автономию» Судетской области, а на самом деле — на ее отторжение от Чехословакии и присоединение к Германии.

В конце 1937 года советский журналист Михаил Кольцов, находясь в осажденном Мадриде, писал в своем дневнике: «На карлсбадских и мариенбадских кислых водах, в чуланах у рестораторов и зубных врачей находят ящики с крупновским оружием, тайные радиостанции, листовки из Дрездена. Раньше чехословацкие «наци», когда их заставляли врасплох, оправдывались, открещивались от Берлина, каялись, били себя в грудь. Теперь они обнаглели, ничего не отрицают, — наоборот, отвечают угрозами германской интервенции...»⁹.

Многое изменилось с тех пор. Но эти строки заставляют провести параллель с поведением западногерманских реваншистских «землячеств» летом и осенью 1968 года.

□

⁹ М. Кольцов, Избранные произведения, т. 3, М., 1957, стр. 564.

Поднятая в ФРГ возня вокруг событий в Чехословакии напоминала тактику генлейновцев, когда они готовили подрыв Чехословакии изнутри, помогая своим шефам по другую сторону чехословацко-германской границы. Примечательна такая деталь. Условливаясь с Гитлером о тактике подрывных действий, Генлейн указывал в конце 1937 года, что будет использовать «демократическую терминологию»¹⁰.

В 1968 году в Чехословакии не было судетских немцев в качестве жителей, граждан ЧССР. Туристы — другое дело. В числе почти 400 тыс. туристов из Западной Германии, побывавших в 1968 году в ЧССР, находилось немало бывших жителей Судет. Под боком у Чехословацкой Социалистической Республики действовали на территории ФРГ центры империалистических интриг и диверсий. Если единокровные по классу союзники буржуазной Чехословакии могли хладнокровно использовать ее самостоятельность и независимость в качестве разменной монеты в антисоветской игре с фашистскими агрессорами, если, несмотря на неоднократные предложения Бенеша и его коллег, адресованные гитлеровцам о сотрудничестве в борьбе против коммунизма, те не поколебались разделаться с таким «перспективным партнером», насколько больше враждебности, злобы, ненависти должно быть у реакционных кругов ФРГ и всего Запада против **социалистической Чехословакии!**

Суровые уроки истории показали, что с хищниками, реваншистами флиртовать нельзя, как нельзя играть с капканом. Вокруг Чехословакии с конца 1937 года расставлялись такие капканы. С разных сторон, но с одной целью хлопотали буржуазные политики.

В этот критический период французское правительство, возглавлявшееся Эдуардом Даладье, было даже обрadowано, что инициативу сделки с гитлеровцами взял на себя Лондон. Парижу было на кого сослаться, чтобы поставить на франко-чехословацком союзе крест. Даладье был типичным буржуа средней руки, бесцветным, плывущим по течению. А оно в окружавшей его среде тянуло все сильнее в сторону Берлина. По своим воззрениям, воспитанию, школе жизни Даладье походил на Бенеша. Он так же профессорствовал, политическую карьеру

□

¹⁰ DGFP, Series D, vol. II, No 23, p. 57.

начал в рядах радикал-социалистической партии, о которой американский журналист Гантер писал, что она часто не имеет ничего общего с радикализмом и далека от социализма. Подстать Чемберлену был министр иностранных дел французского правительства — Жорж Боннэ. Даладье предпочитал в дебри внешней политики не влезать. Он вел довольно замкнутую жизнь, охотно допуская к себе американского посла в Париже Уильяма Буллита. Последний был отпетым антисоветчиком и являлся связным между американскими и западноевропейскими соглашателями с агрессорами.

Президент США Ф. Рузвельт занимал в этом вопросе непоследовательную позицию. 5 ноября 1937 г. в речи в Чикаго он осудил «царство террора и международного беззакония», призывая к «установлению карантина, с тем чтобы предохранить от болезни». Еще раньше, в 1935 году, в частной беседе в Белом доме Рузвельт задавал такой вопрос: «Почему миролюбивые народы не могут объединиться и послать агрессоров в сумасшедший дом? Должен быть найден способ запереть их так, чтобы они не причиняли вреда»¹¹.

В то же время Рузвельт сквозь пальцы смотрел на то, что на ключевых постах за границей сидели ярые сторонники сделок с агрессорами. В это время из посольства США в Берлине был убран настроенный антифашистски посол Додд и вместо него назначен Вильсон — поклонник фюрера. В декабре 1937 года послом США в Англии стал Джозеф Кеннеди, также не скрывавший своих симпатий к нацистам и проповедовавший капитулянтство перед ними. Да и в самом государственном департаменте в Вашингтоне, несмотря на то что им руководил Кордэлл Хэлл, которого нельзя было назвать профашистом, находились деятели глубоко реакционного толка.

На «карантинную» речь Рузвельта крупные бизнесмены ответили закулисным совещанием в Сан-Франциско 23 ноября 1937 г. с генеральными консулами Германии в Бостоне и Сан-Франциско. Американская сторона на встрече была представлена сенатором Ванденбергом, президентом концерна «Дженерал моторз» Слоуном, химическим королем Дюпоном и другими тузами капитала. Участники встречи условились о необходимости дальней-

¹¹ A. Hatch, Franklin D. Roosevelt, N. Y., 1947, p. 237.

шего сближения американских монополий с германскими в целях борьбы против коммунизма. Эмиссары Берлина говорили о перспективах овладения рынками СССР и Китая совместными усилиями Соединенных Штатов и Германии.

Мюнхенское предательство было предрешено примерно за год до его оформления. В конце 1937 года произошел решающий в этом отношении поворот в ходе событий, невидимый тогда для широкой общественности, но резко ухудшавший положение в Европе. Что определяло данную ситуацию: домогательства ли нацистов подстегивали «западные демократии» к сделке или рвение Лондона и Парижа угодить хищникам разжигало их аппетиты, заставляя торопиться с наступлением? Скорее всего, одно было неотделимо от другого, взаимосвязано и взаимозависимо.

Для нацистской верхушки все дело было в том, чтобы найти, «где максимально возможные захваты могут быть произведены наименьшей ценой»¹². Эта «премудрость» была изложена Гитлером на совещании с высшим генералитетом 5 ноября 1937 г. Там же он распорядился о непосредственной подготовке к развязыванию второй мировой войны. Чехословакия значилась после Австрии на первом месте в списке объектов для захвата. Список был длинный и «западные демократии» фигурировали в нем не на последнем месте. Генералы вермахта услышали от своего главаря, что «Англия и Франция, по всей вероятности, молчаливо отrekliсь от Чехословакии и смирились с тем, что этот вопрос будет когда-нибудь решен Германией». Гитлер не скрывал, что серьезно опасается сопротивления Советского Союза. Поэтому он дал указание провести операции по захвату Чехословакии быстрыми темпами и тем «нейтрализовать участие России в военных операциях».

Фашистский главарь исходил, очевидно, из того, что чехословацкое правительство не пойдет сразу на капитуляцию. Но фюрер знал, что с Запада вермахту ничего угрожать не будет, что Англия вместе с Францией не решатся вмешаться в конфликт на стороне Чехословакии. Поэтому ставка делалась на молниеносный захват Че-

□

¹² «Nazi Conspiracy and Aggression», vol. I, Wash., 1946, pp. 374—375.

хословакии, на то, чтобы поставить весь мир перед свершившимся фактом.

В марте 1938 года Австрия как самостоятельное государство исчезла с политической карты в результате захвата гитлеровцами под видом аншлюса — «воссоединения» с Германией. На заседании британского кабинета 18 марта лорд Галифакс не встретил возражений, когда предложил воздержаться от поддержки Чехословакии перед лицом гитлеровской угрозы для нее¹³. Твердолобые умывали руки, готовясь совместно с нацистами к отторжению от Чехословакии ключевых районов.

А что делали правящие политики в самой Праге? Они поспешили «признать» вхождение Австрии в состав «третьего рейха»! В чешской буржуазной прессе усилились антикоммунистические, антисоветские высказывания.

Чехословакия оказывалась беззащитной перед лицом агрессора. Ее буржуазные правители стали по сути дела исполнителями гитлеровского наказа о необходимости «нейтрализации Советского Союза» как союзника Чехословакии. Бенеш и его министры отворачивались от единственной страны, которая была готова прийти на помощь Чехословакии. То, что такого поведения от Праги требовали Лондон и Париж, поддерживаемые американской реакцией, ни в коей мере не снимает тяжелой ответственности с буржуазного правительства Чехословакии.

□

¹³ «Daily Telegraph», 1.1.1969.

■

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Период с апреля по октябрь 1938 года заполнен интенсивной дипломатической деятельностью. Для ее подробного описания потребовались бы объемистые тома. Прага стала объектом тройного и все более нараставшего нажима: Берлин бряцал оружием, нацистская агентура внутри Чехословакии предъявляла все более наглые требования, Лондон и Париж пускали в ход дипломатические рычаги.

Предав и продав Чехословакию, «западные демократии» спасли Гитлера. В среде германского генералитета весной 1938 года наметилась группа не согласных с фюрером. Они считали, что он ведет столь безрассудную и азартную игру, что его следует устранить, как только будет отдан приказ о выступлении против Чехословакии. Чемберлен был осведомлен о подготовке заговора, но предпочел иметь дело именно с Гитлером как с самым «динамичным антикоммунистом». Существование такого заговора было для британского кабинета еще одним фактором, заставлявшим его торопиться с нажимом на Прагу, чтобы фюрер получил требуемое без использования военной силы.

Может возникнуть вопрос: почему понадобилось все же шесть месяцев лихорадочной возни за кулисами для подготовки сделки с Берлином? Значит ли это, что Прага оказалась неуступчивой? Разумеется, позиция правящих кругов Праги в этот период не была полностью тождественна позиции Лондона и Парижа. Для Чемберлена и Даладье речь шла об игре за чужой счет. Для Бенеша и его министров были характерны колебания, зигзаги, часы пассивности, безволия, прямого капитулянтства и минуты решимости, твердости. Такая вспышка присутствия духа в этих кругах наблюдалась во второй

половине мая 1938 года, когда частичная мобилизация армии в Чехословакии заставила взбешенного Гитлера временно отступить.

Казалось бы, это должно было укрепить решимость Праги. Правительство Бенеша не могло не знать, что имеются эффективные возможности для того, чтобы дать агрессорам по рукам.

Советский Союз был верен взятым на себя обязательствам, исполнен решимости дать отпор фашизму. Народ Чехословакии, и прежде всего коммунисты, встали бы твердой стеной на пути захватчиков.

СССР был тогда единственной страной социализма и находился во враждебном капиталистическом окружении. Поэтому возможности СССР в воздействии на ход событий были ограничены. Но то, что предпринималось Советским Союзом в этих трудных условиях, в значительной степени путало замыслы агрессоров и интриги западных правительств.

В 1938 году очаги агрессии бушевали в Европе и Азии. В Испании итало-германские интервенты действовали на стороне мятежника Франко, стремясь разгромить силы республиканцев. На Дальнем Востоке японские милитаристы разбойничали в Китае.

Советский Союз демонстрировал готовность к отпору фашизму. Жертвы агрессии опирались на большую помощь Советского Союза. Она начала поступать в Испанию почти сразу после того, как Германия и Италия вмешались в войну в Испании. Уже в октябре 1936 года в Испанию прибыло 30 советских инструкторов-танкистов с 50 танками.

«Вива Русиа!» — приветствовали жители Картахены выгруженные с транспорта «Комсомол» советские танки. Шли суда с советскими истребителями, бомбардировщиками, артиллерией, боеприпасами, продовольствием. Советские бомбардировщики «СБ» громили интервентов под Гвадалахарой, обеспечивая успехи республиканцев и в какой раз срывая график фашистов по захвату Мадрида. Всего в Испанию было направлено 557 советских добровольцев: военные советники, артиллеристы, танкисты, моряки, врачи¹.

Борьба была, однако, неравной. Итало-германский

□

¹ См. «Вопросы истории», 1966 г., № 6, стр. 103—116.

флот под ширмой лондонского комитета по «невмешательству» блокировал побережье Испании, рыскал по Средиземному морю. Несколько советских судов, шедших в Испанию, было потоплено. Попустительство западных правительств агрессорам делало свое дело: к 1938 году доставка оружия республиканцам по морю крайне затруднилась. Транзит через Францию был также весьма ненадежным. На французской территории скапливались большие партии оружия, в котором отчаянно нуждалась республика.

Фашистов можно было остановить. Итало-германское оружие не могло принести хищникам быстрых, желанных побед: Испания вместе с Чехословакией могли явиться для фашистов теми орешками, на которых они сломали бы себе клыки!

Франкистские эмиссары на Нюрнбергском слете в сентябре 1938 года делились с нацистами тревогами, как бы по фашизму в Европе не был нанесен роковой удар из-за сопротивления Чехословакии.

Помощь Советского Союза китайскому народу финансами, оружием, военными материалами, специалистами разных родов войск, боевыми пилотами имела большое значение для успешной борьбы против японских захватчиков. В течение 1938—1939 годов СССР предоставил Китаю три займа на сумму 250 млн. долл. на самых льготных условиях, хотя лишней валюты в СССР не было. Советские летчики уничтожили над Китаем хваленые японские соединения «Воздушный самурай» и «Четыре величайших короля неба»².

Все, кто хотел видеть и слышать, могли убедиться: слово Москвы не расходится с делом. Коварной игре Лондона и Парижа с агрессорами вокруг Чехословакии советская дипломатия противопоставила принципиальную защиту дела мира, безопасности и свободы. За семь месяцев, начиная с марта 1938 года, Москва по меньшей мере двадцать раз адресовала Праге с открытой трибуны, через дипломатические и другие каналы официальные заявления о готовности немедленно прийти на помощь Чехословакии, если она подвергнется нападению! Может быть, и не надо было бы повторять такого рода заверения, если бы советские предложения приступить к

□

² См. «Литературная газета», 9.X.1968 г.

практическим консультациям о мерах совместного военного сотрудничества двух стран для отпора гитлеровской угрозе были приняты. Тогда перед агрессорами возник бы надежный, оборонительный щит. Но Бенеш и его министры вели себя так, словно над Чехословакией было безоблачное небо, а не висели тяжелые, свинцовые тучи. Взоры руководящих деятелей в Праге были устремлены к Парижу и Лондону. «Союз с Россией,— говорил Бенеш 17 мая 1938 г., — это второстепенный фактор... Если Западная Европа перестанет интересоваться Россией, то и Чехословакия потеряет всякий интерес к этому союзу»³.

Волна воодушевления, охватившая массы в Праге и других центрах страны в 20-х числах мая, когда правительство приняло меры для защиты республики, показала нацистам, что их может ждать при вторжении в Чехословакию, если предварительно не будут подавлены ее демократические силы, не сломлена воля народа. Эмиссары Берлина начали особенно упорно добиваться от руководящих политиков Праги скручивания рук «смутьянам» и «агитаторам». Деятельность компартии осложнялась, а «пятая колонна» и ее покровители в лице крупной буржуазии били по основам суверенитета и независимости страны.

«План Грюн» о захвате Чехословакии был утвержден Гитлером в мае 1938 года. Наперегонки действовала англо-франко-американская дипломатия, прокладывая дорогу к Мюнхену, к расправе над Чехословакией за столом «переговоров». Гонцом смерти был для Чехословакии «личный посредник» Чемберлена — лорд Ренсимен. «Посредническая» миссия Ренсимаена прибыла в Прагу 3 августа и сразу вызвала такое приветствие газеты социал-демократов «Право лиду»: «Добро пожаловать, милорд!». А милорд смотрел на славянскую страну в центре Европы как на «плохо построенное государство», ради которого не стоило шевелить и мизинцем. Фактически он приехал в Прагу для того, чтобы оказать давление на правительство Чехословакии, добиться удовлетворения гитлеровских притязаний в отношении Чехословакии. И в депеше Невилля Гендерсона из Берлина в Лондон также говорилось, что «Чехословакия по конституции и основанию является ошибкой».

□

³ DGFP, Series D, vol. I, No 224, 226.

Миссия Ренсимаена в Чехословакии получила поддержку вдалеке от ее границ, в таком месте и со стороны таких сил, которые, без сомнения, были инспирированы Берлином. 29 июля японские войска вторглись в пределы СССР в районе озера Хасан. Завязались ожесточенные бои. В боевую готовность были приведены соединения Приморской армии и Тихоокеанского флота. В Токио стремились отвлечь внимание и силы СССР от событий в Европе, чтобы облегчить нацистам уничтожение Чехословакии. Агрессоры просчитались. Захватчики были быстро выброшены из пределов СССР. Чтобы в Берлине не строили никаких иллюзий, германскому послу в Москве 22 августа было категорически заявлено, что СССР выполнит союзнические обязательства в случае нападения на Чехословакию⁴.

Энергичные представления были сделаны советскими послами в Лондоне и Париже. Москва предостерегала от уступок агрессорам и настаивала на немедленном начале консультаций о согласованных мерах защиты Чехословакии. В начале сентября нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов передал в Париж через французского посла Пайяра предложение о совещании представителей советского, французского и чехословацкого штабов для выработки необходимых мероприятий, подтвердив решимость СССР выполнить обязательства помощи Чехословакии. Посол СССР в Англии И. М. Майский информировал об этой беседе ряд влиятельных британских деятелей, в том числе У. Черчилля и других, не входивших в кабинет, поскольку чемберленовская пропаганда распространяла злонамеренные измышления о «пассивности СССР». В своих мемуарах Майский рассказывает, как он был поражен, когда при встрече с французским послом в Лондоне Корбэном спустя неделю после упомянутого заявления Литвинова Пайяру обнаружил, что посол ничего не знает о шаге Москвы. Обычно Корбэна быстро уведомляли из Парижа о вопросах, имевших отношение к его работе.

«В Женеве (на ассамблее Лиги наций, открывшейся 12 сентября) мы узнали еще более странные вещи»⁵, — свидетельствует Майский. Оказалось, что многие члены

⁴ См. «Новые документы из истории Мюнхена», М., 1958, стр. 66.

⁵ «Новое время», 1966 г., № 44.

французского правительства не знают о данном заявлении Литвинова. Министр иностранных дел Франции Боннэ скрыл полученное из Москвы сообщение даже от некоторых своих коллег, не разделявших его профашистских взглядов! Заявление Литвинова полностью опровергало слухи, распускавшиеся Боннэ в предыдущие недели, о том, будто бы СССР не пойдет до конца вместе с Чехословакией. В речи, которую Литвинов произнес 21 сентября с трибуны Лиги наций, было публично повторено все то, о чем на 19 дней раньше было сказано в Москве Пайяру.

Одновременно в ответ на запрос Праги Советское правительство сообщило, какие конкретно военные меры принимает СССР на своих западных границах для оказания помощи Чехословакии. 30 советских стрелковых дивизий в полной боевой готовности было сосредоточено в стратегически важных районах, чтобы двинуться на выручку Чехословакии⁶.

С весны 1938 года советские дипломаты вступили в контакт с Румынией для обеспечения необходимого пути оказания военной помощи Чехословакии, включая и пролет советских самолетов через воздушное пространство Румынии. Переговоры по этому вопросу были нелегкими. Правительство боярской Румынии стремилось удержаться сразу на нескольких стульях: не портить отношения с Берлином, поддерживать линию ориентации на Париж и не терять лица как союзник Чехословакии. Бухарест маневрировал, не решаясь отклонить наотрез законные, продиктованные заботой о судьбах не только Чехословакии, а и о национальных интересах самой Румынии предложения Советского правительства.

Американский буржуазный историк Джеймс Макшерри в своей книге об истоках второй мировой войны, вышедшей в США в 1968 году, приводит документальные данные о том, как буржуазные правители Румынии, с одной стороны, заверяли Чехословакию в своей лояльности, а с другой — клялись Берлину не допускать прохождения советских войск через румынскую территорию на помощь Чехословакии⁷.

⁶ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 139—140.

⁷ См. D. McSherry Stalin, Hitler and Europe, vol. I. Cleveland, 1968, p. 83.

Не следовало строить иллюзий о готовности правителей довоенной Румынии противостоять фашистским посягательствам, однако при определенных условиях — перед лицом твердой позиции Чехословакии, поддержанной Советским Союзом — в Бухаресте могли посчитать более выгодным не препятствовать мерам, призванным оказать содействие Чехословакии в сопротивлении агрессору.

Иначе говоря, имелись возможности для того, чтобы советская помощь Чехословакии быстро дошла по назначению. Проблема доставки такой помощи не представляла непреодолимой трудности, и Советское правительство заявило об этом со всей определенностью⁸. Проблема заключалась в ином — прежде всего в позиции самого чехословацкого правительства, в его готовности обратиться к СССР с просьбой о помощи.

К 20 сентября уже начал проявляться план, подготовленный в глубокой тайне Чемберленом и его ближайшими подручными для того, чтобы использовать «чехословацкий кризис» в целях широкой сделки Лондона, в первую очередь с Гитлером, — сделки за счет Чехословакии, но направленной в качестве главной цели против Советского Союза. Речь шла о «плане Зет».

□

⁸ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 144—145.

За годы, прошедшие после окончания второй мировой войны, увидели свет многие, лежавшие под спудом в архивах, документы о закулисной стороне подготовки и осуществления мюнхенской сделки правительств Запада с гитлеровской верхушкой. Однако темный колодезь «умиротворителей» фашизма не исчерпан. В начале 1969 года в Лондоне были преданы огласке 60 объемистых томов — архивы британского кабинета министров за 1938 год. Öffentlichkeit узнала о так называемом «плане Зет», разработанном лично Чемберленом в разгар «чехословацкого кризиса», в соответствии с которым был разыгран решающий акт трагедии, приведшей в столь короткие сроки к захвату Чехословакии гитлеровцами.

Впрочем, и поныне кое-что скрывается от глаз общественности. В Лондоне официально заявлено, что часть британских документов, протоколов, относящихся к этому периоду, исчезла. Лейбористское правительство, решившее вытащить из мрака архивов тайные материалы о деятельности консервативного кабинета Чемберлена, видимо, пощадило некоторые особенно одиозные тайны мюнхенских заговорщиков. Но и то, что вышло на поверхность, весьма показательно.

В досье Чемберлена первое упоминание о «плане Зет» относится к 30 августа, но пишет на эту тему не сам премьер, а его личный советник по вопросам внешней политики Гораций Вильсон, чиновник, носивший официальный титул «главного промышленного советника при правительстве». Именно он был в центре закулисной кухни, готовившей ходы в переговорах Лондона с Берлином. Это положение Вильсон завоевал благодаря своей близости к Чемберлену, еще когда тот был министром финансов. Ка-

бинет Вильсона находился рядом с кабинетом Чемберлена и их часто видели вместе.

Во влиянии Вильсона на Чемберлена не было ничего, объясняемого какими-то выдающимися качествами этого чиновника. Он был самым заурядным по уму человеком, как и сам Чемберлен, с типичной для замкнутого, холодного англичанина манерой никогда не отвечать на поставленный вопрос прямым «да» или «нет». Его деятельность за кулисами соответствовала традициям среды, в которой он вращался, где важные решения часто разрабатываются и принимаются в тиши привилегированных клубов. Г. Вильсон, не показываясь перед широкой публикой, встречался с представителями того мира, который составляет элиту, верхушку господствующего класса: с биржевиками, промышленниками, банкирами, к чьим взглядам так прислушивался Чемберлен, будучи человеком бизнеса. Вильсон представлял для него и канал информации о настроениях в этой среде, и роль советчика, знающего, что придется по душе его хозяину, а вернее хозяевам — крупной британской буржуазии.

«План Зет» вырабатывался не в результате официального обсуждения, а путем кулуарных бесед, разговоров в самом узком кругу.

В бумагах Чемберлена имеется такая запись Г. Вильсона, датированная 30 августа 1938 г.: «Существует план, который следует именовать планом Зет, известный и которому надлежит быть известным только премьер-министру, министру финансов (сэру Джону Саймону), министру иностранных дел (лорду Галифаксу), сэру Невиллю Гендерсону (послу Англии в Берлине) и мне самому. Успех плана, если он будет приведен в действие, зависит от того, чтобы он был совершенно неожиданным, и важно, чтобы о нем ничего не говорилось»¹.

На следующий день Г. Вильсон писал, что организационная сторона плана полностью, до деталей, согласована с Н. Гендерсоном. Британский премьер планировал личную встречу с Гитлером, придавая ей решающее значение в осуществлении заветного замысла. Мотивы плана были те же, что и мотивы проекта неудавшегося «пакта четырех», переговоры о котором состоялись между Берлином, Римом, Лондоном и Парижем спустя несколько

□

¹ «Sunday Times», 1.1.1969.

месяцев после прихода Гитлера к власти. С английской стороны активное участие в них принимал тогдашний министр иностранных дел Джон Саймон, посетивший Рим в этих целях. Прошло пять лет, и этот злейший враг Советского Союза, на совести которого лежат расторжение в 1932 году торгового договора с СССР и многие другие акции такого рода, теперь хлопотал над еще более далеко идущим планом организации крестового антисоветского похода.

В приведенной записке Вильсона не упоминается о Сэмюэле Хоре. Другие документы показывают, что он был в числе соавторов «плана Зет». Компания подобралась тесная: Саймона, Галифакса, Хора связывала вместе служба британскому колониализму либо непосредственно в Индии, либо в министерствах по делам Индии. Занимать им жестокости и коварства у других не было нужды. С. Хор родился в старинной банкирской семье, к концу первой мировой войны служил в британской военной разведке в России (до марта 1917 г.). В 1919 году подвизался в Лиге наций, занимаясь опекой над белоэмигрантскими беженцами из России. С его именем связана такая позорная страница британской политики, как заключение в 1935 году соглашения с гитлеровской Германией, в соответствии с которым она получила возможность открыто наращивать военно-морской флот. Хора и ему подобных нацисты без труда уговорили на такую сделку ссылками на необходимость «отражения русской угрозы» на Балтийском море — трюк, к которому столь же беззастенчиво прибегают сегодня в Бонне. В том же 1935 году Хор осчастливил Муссолини своей сделкой с таким же, как он сам, капитулянтom во Франции — Лавалем. Цель сделки заключалась в предоставлении Муссолини свободы рук в Эфиопии. Возмущение общественности заставило премьера Болдуина сместить Хора с поста министра иностранных дел.

Эдуард Вуд (лорд Галифакс) родился не просто с серебряной ложкой во рту, а в серебряной колыбели. В Паудерхемском замке в Йоркшире, где он провел детство, жизнь вращалась вокруг охоты с гончими, почитания всего прошлого и страха перед будущим, религиозных церемониалов, обедов из восьми блюд, хлопотни многочисленной дворни. Итон, Оксфорд, палата общин, а затем — возведение в сан вице-короля Индии. Это было в середине 20-х годов, а во второй половине 30-х годов

Галифакс в компании таких же реакционеров собирался перекраивать карту Европы вкупе с фашистами.

Помимо премьер-министра как главного вдохновителя паломничества к фюреру в разработке «плана Зет» участвовали глава Форин оффиса, министр финансов и министр внутренних дел, а также Гораций Вильсон. Примечательная комбинация, если учесть, что в проведении этой операции не последнюю роль должны были играть материальные приманки, предназначенные для агрессоров одновременно с усилиями, направленными на дезинформацию общественности.

«План Зет» не был и не мог быть простым повторением прежних антисоветских схем, ибо к 1938 году фашистский вермахт с помощью «западных демократий» значительно окреп. Фон Риббентроп уже не гладил своих британских собеседников по спине, а, как и его шеф, все чаще стучал кулаком по столу при разговорах с ними. Кто-то, а искушенные в дипломатической игре деятели Форин оффиса понимали, что за желанную договоренность с нацистами придется заплатить цену более высокую, чем в 1934 или 1935 годах.

«Мозговой трест» Чемберлена и компании работал именно в таком направлении. Перебирались различные варианты удовлетворения требований фюрера.

Еще в марте 1936 года весь комплекс колониальных претензий Германии был рассмотрен на заседании специального секретного подкомитета правительства под председательством лорда Плимута. Подкомитет пришел к заключению, что «прямой отказ обсудить (с Берлином.—*Авт.*) колониальный вопрос является непрактичным, если цель состоит в достижении общего урегулирования с Германией»².

Общее урегулирование с гитлеровцами... Чего не делалось в столицах Запада в тот период ради этой цели! Она маячила перед реакционерами разных мастей и калибров, вдохновляя их на попытки организации антисоветского похода, в котором фашистским державам отводилась роль ударного кулака.

24 января 1938 г. Чемберлен представил на рассмотрение комитета по иностранным делам правительства предложения, призванные утолить колониальные аппети-

□

² Цит. по «Observer», 5.I.1969. •

ты гитлеровцев. Они должны были получить возможность эксплуатации обширного района Африки (от Сахары до Юго-Западной Африки) в рамках специально созданного для этого «европейского концерна». Чемберлен особо оговаривал, что в случае принятия Берлином такого предложения должна быть созвана «конференция на самом высоком уровне», то есть с обязательным участием и Гитлера.

Стремление к доверительному разговору с Гитлером было, разумеется, не капризом Чемберлена. Он исходил из того, что фюрер концентрирует в своих руках всю полноту власти и поэтому только с ним надо обсуждать то, что являлось для Чемберлена и его единомышленников идеей «фикс»: сговор против Советского Союза.

Тем не менее африканская идея Чемберлена вызвала в его окружении разногласия. Ее поддержал безоговорочно лишь лорд Галифакс. Другой из приближенных к Чемберлену министров — Сэмюэль Хор высказался против проекта как трудноосуществимого. Хор заявил, что ни Бельгию, ни Португалию не удастся заставить уступить Германии намеченные территории. Стало быть, задуманная сделка не могла состояться, даже если бы в Берлине согласились на нее³.

Несмотря на это, проект все же был доведен до сведения Гитлера 3 марта 1938 г., то есть накануне захвата гитлеровцами Австрии. Фюрер отнесся к идее с прохладцей. В его воспаленном мозгу роились гораздо более амбициозные планы с точки зрения захвата чужого добра. Гендерсон ушел от фюрера ни с чем, хотя предлагал тому даже большее, чем об этом говорилось в полученной им из Лондона директиве⁴.

Гитлер нацеливался на захваты в Европе. Вслед за ними было бы нетрудно добыть и колониальное наследство западных держав в Африке и Азии. Притязания Гитлера на Чехословакию подтолкнули Чемберлена с новой энергией взяться за изыскивание соглашения с Берлином путем уступок чехословацкой территории. Как это ни чудовищно выглядит, но здесь Чемберлен и его подручные обнаружили гораздо бо́льшую податливость от правителей Праги, чем от Бельгии и Португалии, в вопросах,

□

³ См. «Sunday Telegraph», 5.I.1969.

⁴ Цит. по «Observer», 5.I.1969.

связанных с возможной передачей нацистам африканских территорий.

В лице ряда буржуазных политиков Праги Лондон, а затем Париж столкнулись не с сопротивлением своим темным махинациям, а с поддержкой. На этот счет имеется теперь много бесспорных доказательств. Они свидетельствуют о том, что Бенеш и его министры считали возможным достижение какой-то полубовной сделки с Гитлером, уступив Германии часть чехословацкой территории и выговорив для себя «приемлемые условия». На это же рассчитывали в Лондоне и Париже. Разница состояла в том, что правительства Англии и Франции были готовы ради антисоветской сделки с Берлином пожертвовать независимостью Чехословакии, тогда как Бенеш всерьез надеялся избежать такого исхода, если Гитлеру будут сделаны какие-то «ограниченные уступки» на антикоммунистической «основе».

Бывший министр иностранных дел в кабинете Даладье Жорж Бонне в своей книге «От Мюнхена к войне» пишет, что правительство Бенеша само подготовило проект, предусматривавший передачу Германии районов, населенных в основном немцами. Оно просило Лондон и Париж взять на себя инициативу представления Гитлеру такого плана, надеясь выгородить себя в глазах чехословацкой общественности как «объект нажима»⁵.

Нажим, действительно, был оказан из Лондона и Парижа на Прагу значительный, и то была не игра, не симуляция, ибо масштабы уступок Гитлеру, замышляемые англо-французскими капитулянтами, превзошли то, на что считали «безопасным» идти в Праге. Аппетиты разгорались не только у агрессоров, но и у их пособников: когда им протягивался мизинец, они хватали всю руку.

«План Зет» оформился у Чемберлена и его приближенных в то время, когда его личный эмиссар лорд Ренсимен находился в Чехословакии, курсируя между Прагой и Судетами. Он вел оживленные беседы с Генлейном, фактически действуя как посредник этого нацистского лидера, получавшего указания, в свою очередь, из Берлина. Требования Генлейна исправно докладывались

□

⁵ G. Bonnet, De Munich à la guerre, P., 1967, pp. 149, 155, 159—160.

Ренсимоном в Праге с добавлением личных «рекомендаций», смахивающих на самый откровенный шантаж. Это именовалось «посредничеством»! Ренсимен видел, как становятся податливыми Бенеш и его министры при оказываемом на них давлении. Донесения Ренсимена в Лондон укрепляли Чемберлена в правильности задуманного хода.

«Иногда я раздумывал, достаточно ли мы поддерживаем в Лондоне Генлейна»⁶, — доносил в весьма секретной депеше из Берлина Н. Гендерсон 22 августа 1938 г.

Британские документы показывают, что Ренсиму было предложено не церемониться в максимальном нажиме на Бенеша и что эта задача была им выполнена без серьезных препятствий со стороны чехословацкого правительства.

Вызванный в середине сентября в Лондон для доклада на Даунинг-стрит, 10, Ренсимен с удовлетворением повторил то, что он заявил ранее Бенешу: по его, Ренсимена, мнению, Бенеш сделал больше, чем кто-либо другой, чтобы пойти навстречу требованиям Берлина⁷.

Бенеш роковым образом заблуждался, полагая, будто Прага сможет найти общий язык с Берлином на антикоммунистической основе. Той же слепотой страдали в столицах Запада, плетя сети вокруг Чехословакии и рассчитывая, что фашистские пушки, танки, самолеты можно будет поставить на колею, ведущую лишь в восточном направлении — прочь от Запада.

Между тем, хотя Чемберлен хранил свой план в глубокой тайне, немало близких к нему деятелей чуяли, куда дует ветер, и держались соответственно. Среди таких фаворитов Чемберлена был главный редактор «Таймс» Джеффри Доусон. У позорного столба истории Доусон и его газета занимают не последнее место. Пробные шары, подготовлявшие общественность к очередным ходам с фашизмом, запускались со страниц «Таймс». В начале июня газета поместила редакционную статью, в которой призывала Прагу предоставить судетским немцам «самоопределение», даже если это означало бы отделение Судет от Чехословакии. В депеше в Берлин германское

□

⁶ Цит. по «Gardian», 1.I.1969.

⁷ Ibid.

посольство в Лондоне сообщало, что взгляды «Таймс» выражают мнение Чемберлена⁸.

7 сентября в «Таймс» появилась редакционная статья, ссылавшаяся на «проект, нашедший сочувствие в некоторых кругах, согласно которому Чехословакия могла бы стать более целостным государством путем отказа от полосы с чужеродным населением, проживающим по соседству с единокровной ему нацией».

Чемберлен прощупывал пульс общественного мнения. Диагноз был для него неблагоприятным. Статья вызвала такие протесты, что Галифакс был вынужден публично опровергнуть, что она отражает взгляды Даунинг-стрит. Зенита достигла не только закулисная игра с агрессорами, но и обман общественности. Оставалось несколько дней до драматического шага, задуманного Чемберленом в целях установления доверительного контакта с Гитлером. Тем самым открывался путь к широкой англо-германской сделке.

9 сентября Вильсон направил Гендерсону телеграмму, предупреждая о приближении решающего момента. Гендерсон должен был сообщить Гитлеру о намерении Чемберлена нанести ему визит. Некоторым осложнением было предстоявшее выступление Гитлера на сборище в Нюрнберге. На Даунинг-стрит опасались грубой воинственной речи фюрера, что придавало бы поездке Чемберлена еще более унижительный и подозрительный характер. Поэтому Гендерсон должен был смиренно просить Гитлера не прибегать к очень крепким выражениям⁹. Но Чемберлен не собирался отказываться от паломничества к нацистскому главарю, что бы тот ни сказал в Нюрнберге. Истеричные угрозы Гитлера в его речи в Нюрнберге против Чехословакии действительно не остановили Чемберлена.

12 сентября Чемберлен поставил в известность о «плане Зет» Ренсимена. Премьер был самого высокого мнения о своем плане, о своих способностях одним махом «изменить всю ситуацию» в результате встречи с Гитлером. Он писал о своих надеждах «убедить его (Гитлера.— *Авт.*), что у него есть необыкновенная возможность поднятия своего собственного престижа и выпол-

□

⁸ См. W. L. Shirer, The Rise and Fall of the Third Reich, N. Y., 1960, p. 510.

⁹ Цит. по «Sunday Times», 5.I.1969.

нения своей столь часто декларированной цели, а именно достижения англо-германского взаимопонимания, чему будет предшествовать урегулирование чехословацкого вопроса»¹⁰.

Из этих слов ясно, в чем состояла главная цель миссии Н. Чемберлена. Его меньше всего тревожило, что будет с Чехословакией в результате уступок части ее территории гитлеровцам. Важно, чтобы на поверженном теле Чехословакии можно было справить банкет англо-германского «взаимопонимания»!

Дабы у Ренсимена не оставалось тени сомнения в решимости авторов «плана Зет» совершить насилие над Прагой, Чемберлен в той же депеше, не церемонясь, писал о готовности оказать «все возможное давление» на Бенеша с целью принятия предложений, предусматривавших отторжение от Чехословакии Судет. «Франция уже заявила, что она примет любой план, одобренный нами», — добавлял Чемберлен.

13 сентября Гитлеру была направлена из Лондона телеграмма, в которой сообщалось о намерении британского премьера немедленно прибыть для встречи с ним. Даже в это время большинство членов правительства еще не знало об этом! Настолько «деликатный» характер был у задуманной на Даунинг-стрит операции.

Н. Чемберлен доложил о своем плане на полном заседании кабинета утром 14 сентября, то есть когда все было подготовлено для его вылета в Германию. Премьер не беспокоился, что план может быть отвергнут, ибо это был не его личный план.

Суть объяснений, данных Чемберленом, сводилась к тому, что личный визит главы британского правительства польстит Гитлеру, его самолюбию. «Кроме того, — небрежно бросил премьер, хотя это было, пожалуй, самым главным для него, — можно будет больше сказать при беседе с глазу на глаз, чем передать на бумаге»¹¹. По его, Чемберлена, мнению, сомнения в позиции Англии будут лучше устранены в ходе дискуссий, чем другими способами. В устах Чемберлена дело выглядело так, словно Гитлер не был виновником возникшего международного кризиса и не подступал с ножом к горлу Чехословакии

¹⁰ Цит. по «Sunday Times», 5.I.1969.

¹¹ Цит. по «The Times», 1.I.1969.

и что его якобы надо было в чем-то уверять и обхаживать¹².

Данные, содержащиеся в книге английского историка Я. Колвина, о деятельности ответственного чиновника Форин оффиса Роберта Ванситарта свидетельствуют, что к этому времени Чемберлен уже вынашивал идею конференции высоких представителей Англии, Франции, Германии и Италии — идею Мюнхена. Ради этого он и собирался к Гитлеру.

Будучи дипломатом менее близоруким, чем многие его коллеги, Ванситарт сразу же высказал возражения против идеи Чемберлена, указав, что замышляемая четырехсторонняя конференция была бы «лезвием клина для удаления России из Европы и сыграла бы полностью на руку Германии по каждому пункту»¹³. Ванситарт предупредил, что Советский Союз сделает выводы из такого положения и к этому надо относиться со всей серьезностью¹⁴.

Но вернемся к заседанию британского кабинета 14 сентября. Сообщение Чемберлена было встречено с восторгом большинством его коллег. Министр обороны Томас Инскип горячо поддержал Чемберлена. Инскип был готов закрыть над Чехословакией гробовую доску без всяких угрызений совести: вражда, если не ненависть, к славянским народам давно живет в крови британских твердолобых. Инскип дал волю своим чувствам, заметив, что если Чехословакия будет захвачена, то «вряд ли когда-либо будет воссоздана в ее нынешней форме»¹⁵.

В этой реплике звучит почти ликование по поводу гитлеровской угрозы, нависшей над Чехословакией.

Другие коллеги Чемберлена ограничились комплиментами в его адрес, воздержавшись от философствований, каким предался Инскип, но не было сомнений, что именно вызвало в этом кругу прилив надежд. Чемберлен за одним столом с Гитлером — разве трудно будет найти общий язык двум деятелям, одинаково видевшим в Советской России «угрозу для западной цивилизации»!

Раздалось два предостерегающих голоса: первого

□

¹² Цит. по «The Times», 1.I.1969.

¹³ «Sunday Telegraph», 7.III.1965.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Цит. по «The Times», 1.I.1969.

лорда адмиралтейства Дафф-Купера и министра здравоохранения Уолтера Эллиота. Они потонули в хоре похвал Чемберлену за его «блестящую идею»: в этих головах не возникало сомнения, что в обмен за преподносимый ему солидный территориальный куш нацистский главарь должен будет хорошо отблагодарить тех, кто оказывает такую услугу — как это принято среди джентльменов!

Конечно, и при самой большой фантазии изобразить эту поездку как триумфальную было невозможно. Поэтому на том же заседании Чемберлен дал указание подготовить британские газеты и преподнести общественности нужную версию: «Во имя мира премьер впервые в жизни садится в самолет и летит к Гитлеру...». Галифакс взял на себя задачу расписать «план Зет» в таком духе владельцам и редакторам крупнейших газет. Так было надежнее обеспечить нужное освещение визита на страницах прессы, рекламирующей себя в качестве «независимой» и «свободной»!

И если не все органы Флит-стрит присоединились к дифирамбам по адресу Чемберлена, то объяснялось это разногласиями в среде самой британской буржуазии. Некоторые ее представители сознавали опасность затеянной Чемберленом игры для самой Англии. Они были, однако, в меньшинстве, да и не всегда действовали решительно, поддаваясь тем же антисоветским чувствам, какие безраздельно владели кликой Чемберлена.

Запланированный визит к Гитлеру был нужен клике Чемберлена еще и потому, что неоднократные попытки Гендерсона добиться разговора по душам с фюрером не удавались. В течение всего лета 1938 года Гендерсон жаловался в донесениях Лондону на полное отсутствие контакта с единственным человеком в Германии, который имеет власть — с Гитлером¹⁶.

В разгар спровоцированного нацистами кризиса Чемберлен послал в Берлин Горация Вильсона как своего эмиссара для зондажа «почвы». Но и Вильсон докладывал о «тумане» в Берлине, выражая надежду, что «в один из дней он может рассеяться»¹⁷.

Чемберлен вылетел рано утром 15 сентября в Мюн-

□

¹⁶ Цит. по «Daily Telegraph», 1.1.1969.

¹⁷ Ibid.

хен, а оттуда поездом отправился в убежище Гитлера — Берхтесгаден в Баварских Альпах. Его сопровождали Г. Вильсон и видный чиновник Форин оффиса У. Стрэнг. Никто из них не говорил по-немецки, но переводчика с английской стороны не было — еще один штрих, рисующий, как заботился Чемберлен о сохранении беседы с Гитлером в тайне.

Встреча состоялась в кабинете Гитлера — сам он не считал нужным выезжать навстречу своему гостю, приняв его на ступеньках своей резиденции. Чопорный в иных случаях премьер проглотил и эту пилюлю.

Имеется много материалов о берхтесгаденской встрече. Из них явствует, что Чемберлен придавал большое значение в разговоре с фюрером убеждению его не начинать военных действий против Чехословакии, не брать силой то, что можно получить «мирным путем» и в чем британское и французское правительства стремились помочь Германии. В Лондоне понимали, что антисоветская игра с гитлеровцами значительно затруднится, если уже на данном этапе они пустят в ход оружие, вторгшись в пределы Чехословакии. В таком случае общественное мнение как во Франции, так и в Англии оказалось бы настолько взбудораженным, настроенным против агрессоров, что для Даладье и Чемберлена было бы трудно, а то и невозможно действовать в интересах захватчиков. В Лондоне и Париже, кроме того, отдавали себе отчет, что в случае нападения на Чехословакию Советский Союз пришел бы ей на помощь. Все карты широкого сговора с нацистами за счет Чехословакии оказались бы спутанными.

Вот почему во время этой, первой, а затем и второй встречи с Гитлером Чемберлену понадобились большие усилия, чтобы отговорить Гитлера от вооруженной акции против Чехословакии, не оставив у него, однако, никаких сомнений, что ее судьба ему, да и вообще британскому правительству безразлична. Обсуждению должен был подлежать вопрос, **каким образом** притязания Гитлера будут удовлетворены. «В принципе мне решительно все равно, войдет Судетская область в состав рейха или нет...»¹⁸, — заявил Чемберлен, заверив Гитлера, что по возвращении в Лондон склонит не только свое правитель-

□

¹⁸ Л. Эмери, Моя политическая жизнь, стр. 511.

ство, но и французское в пользу уступки этой территории Германии.

Отмахнувшись таким образом от «чехословацкой проблемы», Чемберлен сосредоточил усилия на установлении доверительных отношений с Гитлером, ловя каждый его знак. Он с серьезным видом описывал своим коллегам в Лондоне, какую любезность хотел проявить по отношению к нему фюрер: показать ему вид с вершины горы, на которой находилась резиденция Гитлера, и как тот досадовал, что облачная погода помешала этому!

После окончания трехчасовой беседы в Берхтесгадене Чемберлен с необычным для него оживлением допытывался у сопровождавших его нацистских чиновников, какое он произвел впечатление на фюрера. Ему было сказано, что благоприятное, и эти слова прозвучали для Чемберлена сладкой музыкой. Из них он сразу сделал вывод, что «будущий ход этих переговоров (с Гитлером.— Авт.) зависит главным образом от личных контактов»¹⁹.

Это мнение Чемберлен высказал на заседании правительства по возвращении из Берхтесгадена — 17 сентября. Был уикэнд, но министры пожертвовали им ради дел более серьезных. От Чемберлена они услышали довольно оптимистические слова о встрече с Гитлером. У него, сказал премьер, ограниченные цели. Сие должно было означать, что фашистская экспансия повернута на Восток, против СССР. «Герр Гитлер говорит правду» — эта фраза должна была расшифровываться как указание на верность фюрера делу антикоммунизма и возможность сделки с ним на этой основе.

На этот раз коллеги Чемберлена, предвкушая исполнение их замыслов, заговорили еще более цинично-откровенно. Инскип заметил, что война для отпора Гитлеру пошла бы на пользу только большевикам. С. Хор вторил ему ссылками на то, что в Европе не будет мира, пока Судетская область находится у Чехословакии. Лорд Мо-гэм был готов преклоняться перед Чемберленом. Предостерегающий голос Дафф-Купера о неумных аппетитах нацистов снова был заглушен хором людей, ненависть которых к Советскому Союзу, к коммунизму как бы ослепила их²⁰.

□

¹⁹ Цит. по «The Times», 1.1.1969.

²⁰ Цит. по «The Times», «Guardian», 1.1.1969.

На этом же заседании был заслушан вызванный в Лондон Ренсимен. Рассказывая о беседах в Праге, он не скрыл презрительного отношения к министрам, с которыми ему приходилось встречаться. Тепло он отозвался лишь о Бенеше. Но эпитеты по его адресу меркли на фоне комплиментов Генлейну: он-то и добродушный и покладистый! Так говорилось о головорезе, несколькими днями ранее бежавшем из Судет в Германию, после того как по его команде банды местных штурмовиков учинили бесчинства против населения. Дифирамбы по адресу Генлейна и его подручных нужны были Ренсиму для вывода: Чехословакия не может существовать в неприкосновенности, что-то надо сделать, «даже если бы это было равносильно отсечению ее пальцев»²¹.

Язык не дипломатов, а палачей!

Клику Чемберлена ободряла поддержка со стороны официального Вашингтона, где в ряде случаев до этого высказывались в духе, не совпадавшем с линией англо-французских соглашателей с фашизмом. Но в середине сентября президент Рузвельт отозвался о встрече в Берхтесгадене как «исторической», вызывающей «величайший интерес». Такая оценка была свидетельством непоследовательности, противоречивости позиции правительства Рузвельта в важнейшем для дела мира вопросе: осуждение фашистской агрессии сочеталось в Вашингтоне с поощрением интриг Лондона и Парижа против европейской безопасности. Государственный секретарь США Хэлл с полным основанием писал в своем дневнике в то время, что США могли оказаться «в одном лагере с умиротворителем Чемберленом»²². Так оно и было.

22 сентября Чемберлен снова вылетел на встречу с Гитлером в Бад Годесберг, на берегу Рейна. Шесть дней отделяло эту Каноссу от первой, дней, заполненных лихорадочной деятельностью англо-французской дипломатии по обработке правительства Чехословакии, чтобы агрессоры получили требуемое с минимумом хлопот. 18 сентября Даладье и Боннэ прибыли в Лондон и проштамповали ультиматум Праге — согласиться на отход к Германии Судетской области.

Правительство Бенеша сперва отклонило требования

□

²¹ Цит. по «Guardian», 1.I.1969.

²² C. Hull, Memoirs, vol. I, N. Y., 1948, p. 591.

Лондона и Парижа как самоубийственные, но рано утром, 21 сентября, оно капитулировало, в то время как в столице и других центрах страны происходили потрясающие сцены народной решимости оказать отпор фашизму.

Не удивительно, что Чемберлен торопился ударить по рукам с Гитлером, оформляя давно задуманную сделку. Он прибыл в Бад Годесберг в полной уверенности, что привезенное им соглашение Праги на передачу Германии Судетской области создаст благоприятную атмосферу для разговора на тему о развитии англо-германских отношений. Чемберлена ожидал неприятный сюрприз. Очутившись перед фюрером, он торжественно сообщил, что сумел заручиться согласием не только французского, но и чехословацкого правительств с предложениями, переданными ему в Берхтесгадене. Был сделан перевод, и Чемберлен готовился к тому, что фюрер бросится его обнимать. Гитлер между тем хранил на лице мрачное выражение и сухим тоном произнес: «Сожалею, но все это теперь уже бесполезно». С этими словами он отодвинул кресло, в котором сидел, от стола, скрестил ноги, сложил руки на груди и воззрился, нахмуренный, на Чемберлена. В комнате воцарилась томительная пауза.

Это было уже слишком для его гостя. Ему потребовались немалые усилия, чтобы прийти в себя. Не скрывая раздражения, он спросил, что случилось. Последовало составленное в безапелляционном тоне требование о **немедленной** оккупации вермахтом Судет. Продемонстрированная Чемберлену карта, составленная гитлеровским генштабом, отмечала районы, подлежащие занятию без права вывоза оттуда местными жителями и властями какого-либо имущества²³.

Британский премьер не прервал то, что уже формально нельзя было назвать переговорами. Он начал не менее унижительный торг, предложив Гитлеру «ограничиться» сперва посылкой в Судеты гестапо, а не регулярных войсковых частей! Это никак нельзя было выдать за возражения, тем не менее Чемберлен и тут поспешил оправдаться, указав, что вынужден просить Гитлера не предпринимать военных действий, так как в этом случае у

□

²³ Подробности об этой встрече Чемберлена с Гитлером описываются в мемуарах Киркпатриком. См. «Sunday Times», 31.V.1959.

него, Чемберлена, создалось бы трудное положение в парламенте и вообще в стране. Так мог говорить вассал фюрера, а не представитель суверенной державы!

Со своей стороны, нацистский главарь явно забавлялся этой игрой в кошки-мышки. На немедленной военной оккупации Судет Гитлер настаивал и на следующий день, доведя Чемберлена до полного изнеможения. Просьба премьера изложить нацистские требования на бумаге привела к появлению документа, который даже у Чемберлена вызвал реплику, что речь идет о диктате. Гитлер был удивлен: «Мистер Чемберлен,— заявил он,— вы ошибаетесь, это не диктат. Если вы еще раз посмотрите на документ, то увидите, что он называется меморандумом!»²⁴.

Но возражения Чемберлена были «бунтом на коленях». Вместе с Гитлером они прошли по «меморандуму». Мелкие поправки в нем изображались Гитлером «щедрыми уступками». Этот диктат Чемберлен взял с собой в Лондон для обсуждения на заседании правительства.

Не джентльменское поведение своего партнера Чемберлен терпел с такой выносливостью потому, что в яростных тирадах, в беснованиях Гитлера он слышал и такое, что располагало его в пользу фюрера. Собеседники в Бад Годесберге придавали одинаково большое значение тому, чтобы Чехословакия стала полностью «нейтральной», под чем подразумевался разрыв ею договоров о взаимопомощи, прежде всего с Советским Союзом. Чемберлен взял на себя задачу обеспечения этого, и Гитлер, таким образом, получил уверенность, что любые его угрозы и действия против Чехословакии сойдут ему с рук в условиях фактического обезоруживания его жертвы.

Поразительно, что в отчете об этом визите Чемберлен представил себя сильной личностью, сумевшей добиться влияния на Гитлера. Это было голубой мечтой Чемберлена, но не имело ничего общего с действительностью. Об ультиматуме Гитлера было сказано вскользь: «Да, тон (Гитлера.— Авт.) был не так вежлив или предусмотрителен, как того хотелось бы, но стоит помнить, что немцы склонны выражаться круто»²⁵. Как видно, автор

□

²⁴ «Sunday Times», 31.V.1959.

²⁵ Цит. по «The Times», 1.I.1969.

«плана Зет» был готов снести еще больше издевательства, лишь бы добиться своей цели. Поэтому в сообщении на заседании кабинета утром 24 сентября Чемберлен не высказал возражений против сути гитлеровского ультиматума. Немедленная военная оккупация Судет представлялась ему нецелесообразной только по внутривнутриполитическим соображениям. В остальном, раз уже Англия согласилась на передачу этой территории, чем быстрее это произойдет, тем лучше. Самое важное состоит в том, что ему удалось повлиять на Гитлера.

Эту тему Чемберлен развил на втором заседании кабинета в тот же день. «Он уверен,— гласит протокол его выступления,— что герр Гитлер теперь питает к нему уважение. Премьер-министр уверен, что герр Гитлер полон стремления к обеспечению дружбы с Великобританией. Премьер-министр заявил, что, по его мнению, было бы величайшей трагедией, если бы мы (Англия.— *Авт.*) упустили возможность достижения взаимопонимания с Германией»²⁶.

Чемберлен далее подчеркивал, что «центральной проблемой было, говорил ли Гитлер правду, заявляя, что целью его политики является расовое единство, а не господство в Европе. Премьер-министр полагал, что герр Гитлер говорил правду». Исходя из таких уверений, Чемберлен утверждал, что стремления Гитлера «ограничены»²⁷.

Расистские разглагольствования фюрера находили живейший отклик у британских твердолобых. Славянские народы были для них «навозом истории», и в Лондоне ничего не имели против того, чтобы их топтали сапоги нацистов. Таков смысл фраз Чемберлена об «ограниченных целях» Гитлера.

На следующий день, в воскресенье, состоялось три заседания правительства. Оппозиция Чемберлену нарастала. Помимо Дафф-Купера опасение выразили министр авиации Кингсли Вуд, лорд — хранитель печати граф де ла Варр, министр сельского хозяйства Моррисон. Но четверка деятелей во главе с Чемберленом, вынашивавшая «план Зет», задавала по-прежнему тон, настаивая на принятии гитлеровского ультиматума.

□

²⁶ Цит. по «Guardian», 1.1.1969.

²⁷ Цит. по «The Times», 1.1.1969.

Примечательно, что важным мотивом выступлений против дальнейшей капитуляции перед Берлином было предложение о неизбежном отклонении последних нацистских требований Прагой. Видный консервативный деятель Л. Эмери писал в то время в своем дневнике, что «чехи непременно отвергнут требование Германии»²⁸.

Последующие несколько дней являли собой в высшей степени странную картину. Правительства Англии, Франции и Чехословакии объявили о мобилизационных мерах, демонстрируя как будто бы твердость позиции. На самом деле крутились колеса машины, предназначенной не для защиты Чехословакии, а для наступления на нее в последнем решающем броске, в наступлении, которое велось с четырех сторон — из Берлина, Лондона, Парижа и Вашингтона.

Чехословакию еще можно было спасти. Для этого нужна была решимость ее правительства не сдаваться на милость агрессоров и обратиться к Советскому Союзу за помощью, которая поступила бы незамедлительно, в соответствии с тем, что официально заявлялось Бенешу советскими представителями.

Договор с Советским Союзом предусматривал оказание нашей страной помощи Чехословакии только в случае выполнения обязательств, взятых на себя Францией. В сложившейся ситуации можно было ожидать, что правительство Чехословакии официально запросит у Москвы разъяснения о том, готов ли будет СССР прийти ей на помощь, если этого не сделает Франция. Каждая минута промедления приводила к затягиванию тугого узла на шее Чехословакии. Прага могла не опасаться обескураживающего ответа на свой запрос. Еще в мае 1938 года И. В. Сталин через руководителя Коммунистической партии Чехословакии Клемента Готвальда, вернувшегося в Прагу из Москвы, передал для Бенеша послание, в котором помощь СССР Чехословакии не связывалась с помощью Франции, а обуславливалась, естественно, позицией самой Чехословакии, ее готовностью защищаться от нападения и обратиться к СССР с просьбой об оказании помощи, если бы положения ранее заключенных договоров потеряли свое действие из-за нарушения их Францией²⁹.

□

²⁸ Л. Эмери, *Моя политическая жизнь*, стр. 514.

²⁹ См. «Правда», 28 декабря 1949 г.

Послание И. В. Сталина давало знать правительству Чехословакии, что надо заранее предусмотреть такое положение, при котором западный союзник отвернется от нее. Но эта оправданная обстановкой акция СССР не сдвинула Бенеша с мертвой точки. И в драматические дни, когда судьба страны повисла на волоске, пражские политики даже из чувства самосохранения не решились поставить перед Москвой вопрос, от которого зависело само существование самостоятельной Чехословакии. Заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин выразил удивление чехословацкому посланнику в Москве З. Фирлингеру 22 сентября, почему его правительство никогда не ставило вопроса о безусловной помощи со стороны Советского Союза³⁰.

Ближайшие дни внесли «ясность», от которой содрогнулись все честные люди.

Махинации соглашателей с фашизмом можно было сорвать. Как и шантаж Гитлера, они строились на обмане общественности, на спекуляциях о так называемой «коммунистической опасности», на запугивании населения фальшивыми версиями о «превосходящей мощи» фашистских держав и т. д., и т. п. Машина дезинформации работала и внутри Чехословакии. Игра с агрессорами была бы невозможна, если бы Бенеш и его министры не отступали перед политическим, психологическим, а затем и военным нажимом с Запада. В то время как в парках Лондона и Парижа рылись траншеи и среди населения распределялись противогазы, «план Зет» был близок к своему завершению. В свете развернувшихся событий то, что внешне выглядело неожиданным приступом твердости со стороны правительств Англии и Франции, на практике преследовало цель прокладывания мостков к мюнхенскому сговору с агрессорами. Население запугивалось ужасами воздушного блицкрига. Одновременно оказывалось воздействие на Гитлера, чтобы обеспечить переход Судетской области к Германии без начала военных действий. Последнее было сделать не трудно: какой разбойник отказался бы от того, чтобы получить желанную добычу из услужливо протянутых ему рук!

Имеет смысл процитировать в этой связи такого отнюдь не симпатизировавшего Советскому Союзу англий-

□

³⁰ См. «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 128.

ского автора, как Леопольд Эмери, который занимал министерские посты в Лондоне на протяжении многих лет. Л. Эмери следующим образом характеризует политику Советского Союза: «Россия во время всего этого кризиса занимала абсолютно ясную позицию. Литвинов последовательно отстаивал идею коллективной безопасности, то есть, по существу, выступал за союз между Россией и западными державами, который должен был противостоять растущей опасности со стороны Германии. Но перспектива такого союза не привлекала французские буржуазные круги... Еще менее пришлась она по вкусу английскому премьер-министру, стремившемуся умиротворить диктаторов путем непосредственного личного контакта»³¹.

Антисоветизм, антикоммунизм крупной буржуазии стран Запада был одним из основных движущих мотивов подготовки и развязывания второй мировой войны.

□

³¹ Л. Э м е р и, Моя политическая жизнь, стр. 545—546.

ЧЕТЫРЕ ЧАСА И СЕМЬ ЛЕТ

Смысл происшедшего в Мюнхене 29 и 30 сентября 1938 г. символизировали два фотоснимка, появившихся в прессе в те дни.

На одном была изображена свернутая в рулон карта Чехословакии, когда ее везли в мюнхенский «фюрер-хауз», где Н. Чемберлен и Э. Даладье встретились с Гитлером и Муссолини. На другом фото Н. Чемберлен триумфально потрясал клочком бумаги — англо-германской декларацией о ненападении, подписанной под занавес мюнхенской встречи.

В обмен на разорванную карту Чехословакии британский премьер получил от фюрера обещание, что последний не будет атаковать Британские острова...

В тот момент такая сделка казалась для многих людей на Западе, не очень разбиравшихся в тонкостях политики, хоть и постыдной, но гарантировавшей мир акцией. Ближайшее будущее показало истину.

Финал трагедии Чехословакии открывается ликующей сценой 28 сентября под сумрачными сводами Вестминстерского дворца в Лондоне. После двухмесячных каникул члены палаты общин собрались на внеочередную сессию парламента. Достопочтенные сэры прервали отдых, так как в два часа дня 28 сентября истек срок ультиматума, предъявленного Гитлером во время встречи в Бад Годесберге 23—24 сентября. Чехословакия должна была согласиться к этому сроку на оккупацию гитлеровскими войсками Судетской области. Сама оккупация должна была начаться не позднее 1 октября.

Вечером 27 сентября англичане услышали выступление Чемберлена по радио. Оно содержало такую вошедшую в анналы «умиротворения» фразу: «Разве не ужасно, фантастично и невероятно, что нам приходится копать

бомбоубежища... из-за раздоров среди людей в далекой стране, о которых мы ничего не знаем!...»¹.

Демонстрируя равнодушие потомственного тори к «далекой славянской стране», Чемберлен сосредоточивал заветные надежды на Гитлере, ожидая ответа на письмо, направленное поздно вечером 27 сентября в Берлин. Гитлера заверяли, что он «получит все, что нужно, без войны и без задержек», для чего Чемберлен был готов в третий раз вылететь для встречи с фюрером².

Выражая стремление к «деловому» разговору не только с гитлеровским правительством, но и с главарями фашизма вообще, Чемберлен послал одновременно телеграмму Муссолини с просьбой содействовать организации задуманной встречи и самому на ней присутствовать.

Выступая перед депутатами парламента во второй половине дня 28 сентября, обычно не склонный к проявлению чувств, Чемберлен на этот раз волновался. Ближайшие часы должны были показать, удастся ли довести «план Зет» до его логического конца. Премьер говорил в течение часа и двадцати минут, когда лорд Галифакс подал Джону Саймону телеграмму с пометкой «весьма срочно». Через секунду она была в руках у оратора, воздававшего в этот момент хвалу Муссолини за его «усилия на поприще мира». Премьер сделал паузу, взглянул на телеграмму и торжественно объявил, что Гитлер приглашает его немедленно прибыть в Мюнхен вместе с Муссолини и Даладье.

«Мне не надо говорить, каков будет мой ответ...», — заключил Чемберлен, предложив устроить перерыв в прениях с тем, чтобы собраться «при более счастливых обстоятельствах».

Слова утонули в восторженных криках по обеим сторонам палаты. В экстазе находились большинство консерваторов, немало лейбористов, либералы. В воздух летели листки с расписанием сессии, некоторые прослезились. «Хвала господу за премьер-министра!» — раздался чей-то возглас. Лидеры лейбористской и либеральной партий Эттли и Синклер пожелали Чемберлену «всяческих успехов».

Восторг не разделяла небольшая группа депутатов во

□

¹ W. L. Shirer, The Rise and Fall of the Third Reich, pp. 544—545.

² См. «The British White Paper», L., 1939, Cmd. 5848, No 1.

главе с Уинстоном Черчиллем. Но их предостерегающие голоса были довольно приглушенные, а когда они заговорили громче, было слишком поздно.

Известие о встрече в Мюнхене вызвало ликование в других столицах Запада. То, что радовались многие рядовые люди, объяснялось главным образом их неосведомленностью. Официальная пропаганда нагнетала страсти, рисуя ужасы военного конфликта. Раздувалась сила вермахта. В роли пособника нацистов подвизался в Западной Европе американский летчик Линдберг, твердивший в те дни об огромном превосходстве гитлеровской авиации над авиацией Англии и Франции и способности «люфтваффе» превратить Лондон и Париж в развалины.

Президент Ф. Рузвельт также обратился к Муссолини с призывом проявить инициативу в организации встречи «четверки»³.

Вашингтон обратился к СССР с предложением поддержать идею такой встречи. В ответе Советского правительства указывалось, что подлинным средством обеспечения мира в Европе явились бы не капитуляция перед гитлеровскими требованиями и предательство Чехословакии, а совместные действия государств по пресечению агрессии⁴.

В момент, когда стрелка часов подходила к роковой черте, но когда еще можно было спасти положение, Москва пыталась вдохнуть решимость в правительство Чехословакии, убедить его в возможности совместными усилиями дать по рукам агрессорам. За несколько часов до открытия мюнхенской конференции Советское правительство в ответ на запрос Праги сообщило, что в случае нападения на Чехословакию СССР придет ей на помощь, даже если возникнут проволочки в Лиге наций. Снова указывалось, что советские военно-воздушные силы находятся в полной готовности, чтобы немедленно вылететь в Чехословакию.

Что же происходило в Праге? Капитулянтство одерживало верх. На заседании правительства 28 сентября один из министров, ссылаясь на требования общественности, поставил вопрос о созыве парламента. Бенеш эту просьбу отклонил, указав, что при обсуждении сложив-

□

³ См. «Department of State Press Releases», 1938, No 470.

⁴ См. «Известия», 29 сентября 1938 г.

шегося положения «возникнет страшный хаос». Профашистски настроенные министры призывали к расправе над компартией, «которая хочет войны потому, очевидно, что войны хочет Россия». Так рассуждал капитулянт Бехине⁵.

Выходило, что Советский Союз больше заботился о целостности и неприкосновенности Чехословакии, чем ее правительство! Крупная буржуазия, предвосхищая позицию «двухсот семейств» во Франции и Компьен отказывалась пойти на создание внутри страны широкого национального фронта отпора врагу, а вовне — на сотрудничество с Советским Союзом. Решение чехословацкого правительства не откликаться на выраженную Советским Союзом готовность о помощи Чехословакии было и решением о капитуляции перед агрессорами. Судьба Чехословакии оставалась на усмотрении мюнхенского конклава. Ожидать от него милости не приходилось.

В Мюнхене в начале октября Гитлер и Муссолини предполагали встретиться на конференции по вопросу о военном сотрудничестве «оси Берлин — Рим». Державы «оси» внесли небольшие коррективы в свой первоначальный график. Утром 29 сентября Гитлер выехал на бывшую австро-германскую границу для встречи Муссолини. На пути в Мюнхен фашистские диктаторы уточнили тактику поведения при встрече с Чемберленом и Даладье. Муссолини имел при себе проект «соглашения», разработанный еще раньше на Вильгельмштрассе. Этот проект он должен был выдать за свой собственный. В дороге состоялся обмен мнениями о военном итало-германском сотрудничестве и подготовке атаки на Западе!

Чемберлен перед вылетом в Мюнхен телеграфировал Бенешу о «договоренности» насчет мюнхенской встречи. Чехов туда не допустили. Заверения Чемберлена Бенешу, что он будет выступать в качестве защитника интересов в Чехословакии, даже в устах такого деятеля звучали скверным анекдотом.

Расстояние в 15 лет лежало между неудачным пивным путчем Гитлера в Мюнхене, когда он, бросив своих истекавших кровью подручных на мостовой, спасал шкуру, и его триумфом за столом конференции в том же городе осенью 1938 года. Теперь Гитлеру подносились не

□

⁵ См. «Mnichov v dokumentech», d. II, Praha, 1958, str. 249.

пивная кружка с сосисками, а целое государство. «Переговоры» начались в 12 час. 45 мин. дня 29 сентября в «фюрер-хаузе» на Кенигсплатц. Эмиссары Праги не были допущены к «четверке». Они сидели в холле гостиницы «Регина». Ждать пришлось недолго, «дело» было завершено в течение четырех часов. К вечеру того же дня дельцы ударили по рукам. «Итальянские предложения» были приняты за основу «соглашения». Перевод их на немецкий язык не занял много времени — ведь оригинал был немецким. Не было, фактически, и переговоров. Все было предрешено заранее.

Небольшая заминка вышла из-за вопроса, заданного Чемберленом Гитлеру о «компенсации» за государственное имущество, переходящее к Германии на присоединяемой чехословацкой территории. «Никакой компенсации!» — отрезал Гитлер. Он не пожелал входить в объяснения, смогут ли изгоняемые с оккупированных земель фермеры брать с собой скот. «Время слишком дорого, чтобы тратить его на такие пустяки!» — оборвал Гитлер Чемберлена. Британский премьер захлебнулся⁶.

Упоминание Чемберлена о «компенсации» было зловещей символикой. Чемберлен и Даладье не терзались угрызениями совести по поводу расправы с Чехословакией. Интересовало их другое: что получают они в обмен?

Спустя почти 20 лет один из очевидцев мюнхенской конференции — британский дипломат Айвон Киркпатрик в своих мемуарах жаловался на ее «плохую организацию». Ему было досадно, что хозяева не сумели проявить оперативность и обставить встречу попышнее! Киркпатрик сетовал на плохую работу телефонисток. Раздраженную реплику вызывает у него тот факт, что при церемонии подписания «соглашения» оказалось, что чернильницы пусты! Тут же, между прочим, автор мемуаров пишет, как бесцеремонно, грубо оборвал Гитлер Чемберлена, когда тот перед началом второго заседания 29 сентября был занят беседой с Даладье. Риббентропу было приказано сказать Чемберлену, что пора кончать разговор и приступать к делу⁷.

Британские и французские политики отыгрались на представителях Праги, когда вызвали их к себе для сооб-

□

⁶ «Sunday Times», 31.V.1959.

⁷ Ibid.

щения об итогах Мюнхена. Протесты чехов против достигнутой сделки вызвали у советников Чемберлена (сам он не утруждал себя подобными хлопотами) не сочувствие, а угрозу: если не согласитесь, придется урегулировать дела с немцами в одиночестве (как будто страна уже не была брошена на произвол судьбы!).

Американский журналист Уильям Ширер, находившийся в те дни в Мюнхене, так описывал виденную им вечером 29 сентября сцену: «Из обрывков воспоминаний о той роковой ночи мне запомнились: победоносный блеск в глазах Гитлера, когда он с важным видом спускался по широким ступеням «фюрер-хауза» после конференции, самонадеянность затянутого в мундир Муссолини, зевающий Чемберлен...»⁸.

Ранним утром 30 сентября Чемберлен, уже не зевая, поспешил в личные апартаменты Гитлера. Документы из британских и германских архивов свидетельствуют, что в ходе этой беседы премьер поставил перед фюрером такие вопросы: дальнейшее сотрудничество Англии и Франции с фашистскими державами в деле подавления республиканского режима в Испании; широкое экономическое сотрудничество Запада с целью сглаживания все более разгоравшейся конкурентной борьбы, в которой фашистские державы наступали на пятки США, Англии и Франции; пресловутое политическое урегулирование в Европе; все время занимавший внимание Чемберлена и его коллег такой пункт, как «решение русского вопроса». Как явствует из записей, сделанных британскими представителями в Мюнхене, они взяли на заметку тот факт, что Гитлер и его приближенные обходили молчанием Россию...⁹.

Это не очень обескуражило британского премьера. Машина агрессии была приведена в действие, получила толчок. Если условиться с хищниками, что они не будут двигаться на Запад, то восток Европы явится тем районом, где они обретут себе «свободу действий».

Чемберлен вытащил из папки заготовленный проект англо-германской декларации о ненападении, смахнул с него пылинки и подвинул фюреру для подписи. Текст гласил, что «англо-германские отношения — вопрос перво-степенной важности для обеих стран и для всей Европы».

□

⁸ W. L. Shirer, *The Rise and Fall of the Third Reich*, p. 565.

⁹ См. «Documents on British Foreign Policy (1919—1939)» (далее: DBFP), Second Series, vol. II, L., 1946, No 1227.

Для тех, кто умел читать дипломатический язык, фраза была прозрачным намеком на стремление Лондона совместно с гитлеровской верхушкой вершить делами в Европе. «Декларация» заявляла, что «соглашение, подписанное прошлой ночью (т. е. мюнхенская сделка), и англо-германское морское соглашение символизируют волю наших двух народов никогда впредь не вступать в войну друг против друга».

Французское правительство постаралось заручиться в начале декабря того же 1938 года аналогичным «обещанием» Гитлера.

...Темные тучи нависли над Хестонским аэропортом вблизи Лондона, когда к вечеру 30 сентября там приземлился самолет, доставивший Чемберлена из Мюнхена. Тысячи лондонцев выстроились на улицах столицы, приветствуя премьера. Они не задумывались о завтрашнем дне, не задумывались, какой ценой сохранен призрачный «сегодняшний мир». Чехословакия казалась далекой, а Чемберлен выглядел героем. Он направился в Букингемский дворец принять личные поздравления короля Георга VI. Англия не радовалась так со времени окончания войны в 1918 году. Открыв окно на втором этаже дворца, Чемберлен обратился к стоящей внизу толпе: «Мои друзья, второй раз в нашей истории из Германии на Даунинг-стрит привозится почетный мир. Я думаю, что это мир на нынешние времена!». Оратор торжествующе помахал в воздухе текстом англо-германской декларации о ненападении.

В тот же вечер 30 сентября Чемберлен сделал сообщение на заседании кабинета о мюнхенской конференции. В его словах звучали победные нотки. Результаты Мюнхена представлялись ему в высшей степени удовлетворительными. Кризис миновал. Англия заручилась обязательством Гитлера о ненападении. Обычно сухой, мрачноватый премьер на этот раз позволил себе шутку о плохой организации конференции с немецкой стороны, что затянуло ее дольше, чем следовало. Несколько часов сидения за столом в Мюнхене казались премьеру томительными. Так преступники выбегают из помещения, где они совершили «мокрое» дело! К тому же самое главное, ради чего, собственно, и была затеяна встреча, отняло минимум времени. Гитлер подмахнул текст англо-германской декларации мгновенно.

Джон Саймон выразил восхищение от имени всего

кабинета по поводу «беспрецедентных усилий» премьера и «достигнутого им успеха». Министр финансов поведал, какая его распирает гордость от сознания, что он и премьер — коллеги в такой час¹⁰.

Диссонансом прозвучало заявление об отставке первого лорда адмиралтейства Дафф-Купера. Среди немногих критиков премьера был У. Черчилль. Результат визитов Чемберлена к Гитлеру Черчилль суммировал следующим образом: сперва под дулом пистолета от него потребовали один фунт стерлингов, затем — два, и, наконец, милостиво согласились довольствоваться одним фунтом семнадцатью с половиной шиллингами (в английском фунте двадцать шиллингов).

В заключение четырехдневных прений в палате общин по вопросу о мюнхенском соглашении (когда дело было сделано, парламент может позволить себе такую «демократическую практику») около 40 членов депутатов-консерваторов воздержалось от выражения мнения. Резолюция сторонников Чемберлена, одобряющая его политику, прошла большинством в 122 голоса.

Лейбористская фракция внесла поистине «каучуковую» поправку к правительственной резолюции. В ней выражалось «облегчение» относительно предотвращения войны и неодобрение отторжением от Чехословакии под угрозой применения силы Судетской области. Понимай, как знаешь! Вожаки правых социалистов не поднимали массы на борьбу против предательского курса Чемберлена, а дезориентировали их своими маневрами, увертками, внушавшими представление, будто капитулянты, соглашатели «спасли мир».

В воззвании исполкома Коминтерна в ноябре 1938 года указывалось, что мюнхенский заговор был облегчен тем, что рабочий класс вследствие раскольнической капитулянтской политики лидеров II Интернационала не смог сплотить свои силы, чтобы сорвать преступный заговор германского фашизма и английской реакции¹¹.

Во Франции парламент ратифицировал мюнхенский диктат: только 75 депутатов проголосовали против него, и среди них — 73 коммуниста. Лидер социалистов Леон Блюм писал в «Попюлер»: «Войны удалось избежать.

□

¹⁰ Цит. по «The Times», 1.1.1969.

¹¹ См. «Коммунистический Интернационал», 1938 г., № 11.

Этот бич удаляется. Можно радоваться прекрасному осеннему солнцу». Редактор «Юманите» Габриэль Пэри, погибший в 1941 году от пули фашистских палачей, бросил в лицо мюнхенским заговорщикам: «Мир ничего общего не имеет с этим триумфом классового эгоизма».

Международная реакция торжествовала. Заместитель государственного секретаря США Уэллс видел в Мюнхене контуры «нового порядка» в Европе, сулящего Западу радужные надежды. Поздравления Гитлеру направил президент компании «Дженерал моторз» в США Нудсен. Лондонская газета «Таймс» не сомневалась, что «политика международного умиротворения будет усиливаться и дальше». Парижская газета «Тан» заключала, что отныне лишаются «практической ценности франко-польский союз и франко-русский пакт о взаимной помощи». Фашистский орган «Гамбургер-фреденблат» злорадствовал по поводу «исключения Советской России из концерта великих европейских держав». «Лига наций мертва,— писала газета.— Да здравствует Европейский совет цивилизованных великих держав!..».

А в это время пограничные столбы летели на землю Чехословакии под гусеницами фашистских танков. Отторгнутая территория уменьшала размеры страны на одну треть, ее население — с 15 млн. до 10 млн. человек. Железнодорожная сеть Чехословакии разрезалась в 58 пунктах. В руки нацистов попало около десяти тысяч оборонительных сооружений на чехословацко-германской границе. Чехословакия теряла около половины своих производственных мощностей, в том числе до 90% энергетики, четверть тяжелой промышленности, половину предприятий легкой промышленности. Английский историк Хезлак в книге «Вторая мировая война» отмечал, что «подлинной добычей, за которой охотился Гитлер в Судетской области, был не кусок лишней территории или еще несколько миллионов подданных. Судетская область была величайшим в мире арсеналом, выпуск продукции которого превосходил всю военную промышленность Италии»¹².

В Берлине разрабатывался так называемый «фундаментальный план О. А.» — программа ликвидации национального существования чехов, тотальной германизации

□

¹² S. L. Hasluck, The Second World War, L., 1949, p. 41.

страны вплоть до «влияния на биологическое развитие чешского народа». Этот план был найден после второй мировой войны в канцелярии Генлейна в городе Аше¹³. В захваченных районах Чехословакии сразу стала проводиться практика изгнания местного населения, которую гитлеровцы затем в еще более широких масштабах осуществляли на оккупированных землях Польши, Франции, Югославии, Советского Союза. Ударные отряды эсэсовцев врываются в частные дома, на квартиры, выгоняли жителей на улицу, конфисковывали имущество, издевались над своими жертвами. Это именовалось «техникой обезлюдивания». Десятки тысяч людей очутились под открытым небом, многие из них — с малыми детьми, с больными, престарелыми. Гитлер неоднократно говорил о своем стремлении «стереть Чехословакию с карты»¹⁴. В марте 1939 года Мюнхен был завершен захватом нацистами всей Чехословакии.

А в числе тех, кто по случаю Нового, 1939, года получил в Англии традиционные награды, фигурировали соратники Чемберлена по Мюнхену. Британский посланник в Праге Ньютон получил орден Св. Майкла и Св. Георга, посланник в Берлине Гендерсон, а также ответственный сотрудник Форин оффиса Кадоган были удостоены «Великого креста», советники Чемберлена Эштон-Гуэткин и У. Стрэнг получили титулы кавалеров ордена Бани. На рождественской визитке самого Чемберлена красовалось изображение самолета, на котором он летал в Мюнхен!

Мюнхенская конференция длилась четыре часа. Она принесла Чехословакии семь лет фашистского плена, семь лет бедствий и страданий. В освободительной борьбе погибло 360 тыс. чехов и словаков. Почти 150 тыс. советских воинов отдали свои жизни за то, чтобы над Чехословакией взошло солнце свободы, а мюнхенское соглашение было сброшено на свалку истории.

Многих жертв, понесенных человечеством во второй мировой войне, можно было избежать, если бы фашистские агрессоры были остановлены на исходных рубежах. Мюнхен предопределил развязывание второй мировой войны в неблагоприятных для миролюбивых сил услови-

□

¹³ См. В. Краль, Преступления против Европы, М., 1968, стр. 289—290.

¹⁴ DGFP, vol. IV, pp. 82—83.

ях. По основам европейской безопасности был нанесен роковой удар.

Результаты мюнхенского сговора утвердили фашистских хищников во мнении, что со стороны западных держав им не следует ожидать сопротивления.

Мюнхенская конференция сделала Германию и Италию «хозяевами положения», и они могут «вести теперь войну с великими демократиями» (Англией и Францией) — так министр иностранных дел Италии Чиано писал в меморандуме, который он представил в конце октября 1938 года Риббентропу¹⁵.

И без того шаткая система союзов, на которой основывался послеверсальский порядок в Западной, Центральной и Восточной Европе, лежала в развалинах. Гитлеровский рейх прорубил широкий коридор в центре Европы. Вермахт вышел на подступы к Советскому Союзу, окружил с юга Польшу, навис над Югославией, протянул щупальца к другим европейским странам. С крушением франко-чехословацкого союза рассыпалась Малая Антанта — блок Чехословакии, Румынии и Югославии. Капиталистические союзники Чехословакии бросили ее.

«Только правительство социалистического государства непричастно к различным планам и соглашениям, направленным на разграбление и уничтожение независимости малых стран...», — писала 4 октября 1938 г. газета «Правда» по поводу позорных решений мюнхенской конференции. Советское правительство сделало выводы из событий, приведших к мюнхенскому предательству, и обеспечило в дальнейшем срыв чловеконенавистнических замыслов организаторов этой сделки.

□

¹⁵ «Ciano's Diplomatic Papers», L., 1948, pp. 242—246.

КОРОТКАЯ ПАМЯТЬ И БОЛЬШИЕ АППЕТИТЫ

Пограничные столбы валились на чехословацкую землю осенью 1938 года под одобрителыные возгласы холеных господ на Западе, ожидавших, как вслед за Чехословакией нацистские танки двинутся к границам СССР. В течение первых восьми месяцев 1939 года дипломатия Запада, предводительствуемая Лондоном, билась над попытками антисоветского соглашения с гитлеровской Германией в «развитие» буквы и духа мюнхенского сговора. Зондажи не давали желанных результатов, а нацистская верхушка Берлина занимала все более вызывающую позицию. Весной 1939 года правительства Англии и Франции видоизменили свою тактику, решив параллельно с продолжающимися тайными поисками договоренности с Берлином согласиться на предложения Советского правительства о переговорах по вопросу о сотрудничестве для отпора фашистской агрессии. В ходе этих переговоров Советскому правительству стало совершенно ясно, что в Лондоне и Париже не собираются идти на какие-либо серьезные шаги для договоренности о мерах противодействия агрессорам. Не было секретом стремление правительств Чемберлена и Даладые использовать переговоры с СССР как средство давления на гитлеровскую дипломатию с целью подталкивания ее на широкую сделку с западными державами, непосредственно направленную против существования первой страны социализма.

На состоявшемся весной 1939 года XVIII съезде ВКП(б) было сделано недвусмысленное предупреждение о том, что затеянная на Западе игра с агрессорами может окончиться серьезным провалом. В числе других задач, поставленных съездом перед партией, указывалось на необходимость «соблюдать осторожность и не давать втя-

нуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, при-
выкшим загребать жар чужими руками»¹.

Имеющий уши, да услышит. Но в правительственных кабинетах Запада отнеслись к этому предупреждению по меньшей мере легкомысленно. Вернее сказать, там никак не хотели расставаться с заветными замыслами столкновения Германии и Советского Союза прежде всего во имя и ради сокрушения первого в мире рабоче-крестьянского государства. Там рассчитывали на успех политики, проводившейся уже не первый год. Авторы этого курса переоценивали собственные возможности и недооценивали дальновидность, искусство советской дипломатии.

Обстановка была крайне сложной и опасной. Дипломатия Мюнхенцев расставляла Советскому Союзу много ловушек. Гитлеровская верхушка, опираясь на достигнутые легкой ценой захваты в центре Европы, рвалась к развязыванию мирового конфликта. Вопрос состоял не в том, начнется война или нет, а в том, при каких обстоятельствах, в какой обстановке это произойдет для нашей страны, находившейся тогда в капиталистическом окружении. Малейший неверный ход с нашей стороны грозил втянуть СССР в войну при самых неблагоприятных для нас условиях. Чрезвычайная обстановка требовала и чрезвычайных мер. Такой мерой вынужденного характера, продиктованной сложившейся обстановкой, было подписание 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Иной меры, способной обеспечить в тех условиях жизненные интересы СССР, а значит и интересы дела социализма, прогресса в мире, не было, так как правительства Англии и Франции к этому времени окончательно разоблачили себя как спекулянты, игроки в вопросах мира и безопасности, уклонявшиеся от маломальски серьезного обсуждения шагов в целях отпора фашистским агрессорам.

Тем самым потерпела полный крах антисоветская политика правительств Запада — мюнхенская политика, что явилось совершенно необходимой предпосылкой к созданию антиагрессивного, антифашистского фронта. Такой фронт был создан в ходе второй мировой войны, когда сложилась антигитлеровская коалиция.

¹ «XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет», М., 1939, стр. 15.

Это могло бы произойти значительно раньше, если бы внутри Англии и Франции клика мюнхенцев оказалась изолированной и уступила место правительствам, действовавшим в интересах мира и безопасности, готовым сотрудничать с Советским Союзом для обуздания фашистской агрессии.

Вместо этого профашистские интриги Чемберлена и компании ударили бумерангом по самим западным державам. Прошло немного времени после Мюнхена — и Чемберлену с его коллегами довелось увидеть над головами самолеты «люфтваффе», услышать разрывы фашистских бомб. Развалины Ковентри были и развалинами Мюнхена. Мюнхен предвосхитил капитуляцию Франции в Компьене, бегство британской экспедиционной армии из Дюнкерка, установление на значительной части Европы кровавого «нового порядка».

Преступления фашистских варваров не остались без возмездия. Борьба была тяжелой, длительной, но завершилась водружением флага победы над рейхстагом — советского флага. Хищники сломали себе хребет на советско-германском фронте. Чехословакия в 1945 году была вновь восстановлена в своих первоначальных границах, однако для нее, да и для всех народов, Мюнхен останется суровым напоминанием о злодействе воинствующих сил империалистической реакции, о необходимости постоянной бдительности в отношении всех и всяких происков против дела мира, безопасности, свободы. Мюнхенский и послеюнхенский опыт стал тем пунктом, из которого исходили трудящиеся Чехословакии, ее коммунистическая партия в подходе к вопросу о безопасности страны. Этот опыт наглядно свидетельствует, что самыми решительными защитниками республики являются народные массы, возглавляемые коммунистической партией, тогда как крупная буржуазия в лице ее ставленников — партии аграриев и других группировок, действовавших на правительственной сцене, — отдавала предпочтение узкоклассовым, эгоистическим интересам перед защитой страны в сотрудничестве с Советским Союзом. Капиталистический строй оказался неспособным обеспечить подлинную безопасность Чехословакии.

Чешский и словацкий народы извлекли урок из Мюнхена. Вступив на социалистический путь развития, войдя в дружественный братский союз с СССР и другими социалистическими странами, народы Чехословакии обрели

нерушимые условия своей свободы, независимости, суверенитета и целостности.

Эти завоевания достались нелегкой ценой, и их следует беречь как зеницу ока, тем более что теперь снова поднимают головы охотники до переделки существующих государственных границ. Из тнили, из мрака пытаются поднять зловещую труху, в том числе и пресловутое мюнхенское соглашение.

В заявлении иностранной комиссии Национального собрания ЧССР на заседании 27 сентября 1968 г. в связи с 30-й годовщиной подписания мюнхенского соглашения указывается, что и по истечении 30 лет Мюнхен остается горьким уроком и источником тревоги, ибо до сих пор он не был полностью отвергнут всеми его участниками, не был полностью провозглашен недействительным, не был полностью искуплен.

Это относится к правительствам ФРГ и Англии. Франция и Италия предприняли необходимые шаги в этом отношении. 29 сентября 1942 г. Национальный комитет Сражающейся Франции во главе с генералом де Голлем заявил, что считает абсолютно недействительным мюнхенское соглашение, как и все другие акты, принятые в осуществление этого соглашения. 26 сентября 1944 г. итальянское правительство, сформированное после свержения диктатуры Муссолини, выступило с аналогичным заявлением. Однако английское правительство 5 августа 1942 г. прибегло в этой связи к двусмысленной формуле, указав, что считает себя свободным от выполнения всяких обязательств по мюнхенскому соглашению, поскольку «Германия умышленно нарушила соглашения, касающиеся Чехословакии». В виду имелся захват Германией в марте 1939 года всей Чехословакии.

Значит, в Лондоне относились к «мюнхенским обязательствам» как требующим соблюдения и упрекали гитлеровское правительство за их нарушение!

После капитуляции гитлеровской Германии английское правительство выступило против мюнхенского соглашения в более резком тоне, но опять-таки не до конца, а оставило лазейку, которой пользуются теперь правящие круги Бонна. В Лондоне не желают ясно и четко заявить о недействительности мюнхенского сговора с **самого начала.**

И уже не юридической терминологией, а дубинками потрясают в Западной Германии организации бывших

судетских немцев, переселенных туда в первый послевоенный год. Наиболее крикливую кампанию ведут «Землячество судетских немцев» и «Витикобунд». Их главари стремятся внушить двум миллионам бывших судетских немцев в ФРГ, что их родина — на тех территориях, которые были отторгнуты от Чехословакии по мюнхенскому соглашению, что они должны готовиться к новому маршу. С точки зрения даже элементарной логики подобная пропаганда — самый настоящий трюк. Ведь в 30-х годах нацистская агентура в Чехословакии утверждала, что Германия — это родина судетских немцев и они должны с ней воссоединиться. Теперь бывшие судетские немцы находятся на территории ФРГ. Им надо исходить из этого непреложного факта, а не позволять отъявленным реваншистам подстрекать к авантюрам, грозящим им самыми тяжкими последствиями.

Границы социалистической Чехословакии, как и других стран, входящих в оборонительную систему Варшавского Договора, находятся на крепком замке, и любая попытка покушения на эти границы встретит сокрушительный отпор. Пограничные столбы в Европе стоят сегодня надежно прежде всего благодаря бдительности Советского Союза и других социалистических стран. Именно под сенью Атлантического пакта распускаются махровым цветом различные западногерманские «братства» и «землячества» с их откровенно реваншистскими установками.

Территориальные притязания стали подниматься на щит в Западной Германии особенно навязчиво после ее вступления в Североатлантический блок в 1955 году. 20 июня 1956 г., а затем 31 января 1957 г. министерство иностранных дел ФРГ заявило, что считает границы Германии 1937 года по-прежнему «законными». Организации бывших судетских немцев добавляли к этим поджигательским демаршам свои домогательства на то, будто мюнхенское соглашение остается в силе.

В разнузданную пропаганду реваншизма, оргию восхвалений преступлений гитлеровского фашизма вылилось состоявшееся во Франкфурте-на-Майне в марте 1962 года сборище «землячества судетских немцев». Почетным оратором на нем выступил один из главарей словацких фашистов Франц Тисо — брат бывшего марионеточного словацкого «президента» Йозефа Тисо, казненного в 1947 году за сотрудничество с Гитлером и за военные

преступления. Депутат ландтага земли Гессен Вальтер назвал переселенцев из бывших Судет «передовым отрядом политического нового порядка» в Европе, который должен прийти. Другой оратор договорился до утверждений, что только в оккупированной гитлеровцами Европе можно было «жить счастливо».

Весной 1964 года министр Зеебом, выступавший в качестве официального рупора Бонна, на другом сборище в Нюрнберге потребовал «возврата Судет» и опять размахивал тем, что он именовал «действующим мюнхенским соглашением». Беснования Зеебома вызвали скандальный резонанс, и руководство ведущих политических партий в ФРГ решило выработать «общую точку зрения» по вопросу о Мюнхене. У Зеебома сразу нашлись влиятельные союзники. Исполняющий обязанности председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге Барцель обвинил людей, критикующих Зеебома, в распространении «коммунистической пропаганды».

В октябре 1964 года было опубликовано совместное заявление боннского правительства и «землячества судетских немцев». В нем говорилось, что, хотя Федеративная республика не выдвигает в отношении Чехословакии территориальных притязаний (как будто требования Зеебома и ему подобных были миражем в пустыне!), это не исключает для судетских немцев права на родину и права на самоопределение... Генлейн вполне мог бы подписаться под таким заявлением!

Выступая в Бонне в середине января 1967 года на своей первой пресс-конференции, канцлер Кизингер повторил то, о чем говорилось в его программном заявлении по поводу мюнхенского соглашения: «Это соглашение **больше** (выделено мною. — Авт.) недействительно». Чешский корреспондент спросил канцлера, с каких пор, по его мнению, соглашение не действует. Последовал раздраженный ответ: «Я не определял этого с точностью минуты...».

Напрасно, г-н Кизингер! Речь идет не о казуистике... У этих господ — короткая память, но большие аппетиты. Они запамятовали, при каких обстоятельствах подписывалось пресловутое мюнхенское соглашение, когда Чехословакия была фактически связана по рукам и ногам.

В то время как правительство Германской Демократической Республики объявило мюнхенское соглашение недействительным с самого начала, как позорный дик-

тат, достигнутый под угрозой применения насилия, без участия правительства Чехословакии и в противоречие с положениями международного права, боннские правящие круги продолжают вести вокруг этого вопроса игру, разоблачающую их стремление поднять мусор со свалки истории, сделать его предметом каких-то «переговоров» и «дискуссий».

Возня в Западной Германии вокруг Мюнхена усилилась в обстановке осложнения положения внутри Чехословакии в связи с активизацией сил, стремившихся столкнуть ее с социалистического пути, противопоставить ее другим социалистическим странам, и в первую очередь — СССР:

В апреле 1967 года в Вюрцбурге «землячество судетских немцев» создало специальный фонд для поддержки антисоциалистических сил в ЧССР. Солидные денежные средства были отпущены концернами — преемниками «ИГ Фарбениндустри», западногерманскими банками — «Дейче банк» и «Дрезднер банк». С весны 1968 года эти средства обратились в действия: в Чехословакию под видом туристов хлынули из ФРГ многие из тех, кто держит под плащом кинжал, нацеленный на Чехословакию. В одном из августовских номеров газета «Судетендейче цейтунг» писала, что «группа активистов из числа судетских немцев как раз сейчас действует в пограничном (с Чехословакией.— Авт.) районе».

Арсенал средств этих господ изощренный. В первых числах января 1968 года член правления «землячества судетских немцев» Ганс Шюц выразил надежду на возможность достижения «взаимопонимания» с чехами... Прошло немного времени, и депутат бундестага от ХСС Вальтер Бехер, редактировавший в годы фашистской оккупации Чехословакии газету в Праге, обратился в начале апреля к правительству ЧССР с провокационным требованием: «Расследовать все преступления, совершенные в отношении судетских немцев». Бехер потрясал кулаками по адресу президента ЧССР Людвика Свободы. Это происходило в Мюнхене на митинге 4 тыс. распоясавшихся реваншистов. Над сборищем колыхался транспарант: «Наша надежда — НДП!».

Было от чего превозносить молодчиков фон Таддена! Организация «Витикобунд», объединяющая часть наиболее оголтелых претендентов на землю Чехословакии, участвовала в основании национал-демократической пар-

тии. Устав партии имеет такой пункт: «Судеты должны снова стать немецкими, ибо их уступили Германии в рамках Мюнхенского договора, являющегося действенным международным соглашением».

В период с 31 марта по 10 апреля 1968 г. во Франкфурте-на Майне проходили «Дни Чехословакии». Их инициатором было существующее в ФРГ «Немецко-Чехословацкое общество». Газета «Франкфуртер рундшау» писала, что «Дни» проходят «под знаком надежды». Ее внушил западногерманской газете доклад одного из ораторов, приезжавших из Чехословакии, в котором, как писала газета, «он пошел настолько далеко, что сказал, что чехи довольны заявлениями Брандта и Кизингера о мюнхенском соглашении. Это, конечно, с политической точки зрения совсем новый тон».

Реваншистское охвостье в ФРГ закопошилось, ожидая «решающих событий» в ЧССР. Упомянутый выше Бехер, выступая на штутгартском слете «землячества», провозгласил, что с «процессом либерализации» в Чехословакии связываются надежды на восстановление там «свободного рыночного хозяйства», то есть реставрацию капитализма.

Решительные действия Советского Союза и других братских социалистических стран в защиту социалистических устоев в Чехословакии, в защиту основ мира и безопасности в Европе вызвали смятение, вопли в стане прежде всего западногерманской реакции. «Громче всех кричат те, кто служил Гитлеру, когда тот раздавил сапогом право народов на самоопределение», — заявил 21 августа 1968 г. в Кёльне член директората партии Немецкий союз мира Арно Бериш.

Так кричал в начале ноября 1968 года тот же Бехер с трибуны реваншистского митинга в Регенсбурге, утверждая, что «пражская весна 1968 года» показала, дескать, возможность «европейского решения» судетского вопроса.

Мюнхенская сделка погребена под развалинами гитлеровского рейха, однако последыши фюрера еще не перевелись! И растут они на той почве, на которой появился в 1949 году Североатлантический блок. Возня на Западе вокруг Чехословакии отражала далеко идущие замыслы мировой реакции. Уинстон Черчилль в своих мемуарах о второй мировой войне отзывался о ней как «ненужной». Ведь ее итоги состояли в росте сил социа-

лизма, прежде всего — в Европе. Социально-экономические сдвиги в странах Центральной и Восточной Европы, происшедшие в результате разгрома фашистских держав и освобождения ряда стран советскими армиями, ликвидировали позиции внутренней и внешней реакции на Востоке Европы. Болезненное всего реагировали на это за океаном. Фразы о наступлении «американского века», пущенные в оборот Генри Люсом, ходили там не только по страницам журнала «Лайф». Их воспринимали как нечто серьезное те политики и генералы, которые вцепились в только что обретенное ядерное оружие. Берясь, однако, утром за газеты, они читали сообщения из Восточной Европы, которые заставляли их сжимать кулаки. «Американский век» не получался. Империализм отступал, отступал не перед армиями, а перед массами, не желавшими жить по-старому, извлекшими уроки из сурового опыта, стоившего жизней миллионов людей, погибших в борьбе с фашистскими варварами.

Мюнхен был одним из самых трагических уроков предвоенной европейской истории. Многие деятели стран Запада заявляли и заявляют, что усвоили уроки тех дней. Будучи президентом США, Дуайт Эйзенхауэр в апреле 1959 года высказался таким образом: «Мир дорого заплатил за урок Мюнхена, но он и научился ему». Так говорил деятель, с именем которого связывалась так называемая «доктрина освобождения Восточной Европы». Он пытался оправдать политику стран — участниц НАТО, пронизанную теми же мотивами и установками, которые вдохновляли организаторов мюнхенского предательства. Стержень такой политики — антикоммунизм, антисоветизм. Во имя этого вскоре после окончания второй мировой войны западные политики стали поднимать на ноги западногерманский милитаризм, а в 1955 году приняли с распростертыми объятиями Западную Германию в состав НАТО. Во имя этого штабы НАТО нацеливают свою подрывную деятельность против Советского Союза и других социалистических стран.

Усилиями западной пропаганды вал исторических перемен в Восточной Европе был объяснен «экспансией СССР». Вдумчивые люди могли спросить: чьей «экспансией» надо тогда объяснять социалистическую революцию в России в октябре 1917 года? Инициаторы холодной войны над такими тонкостями не задумывались. Они твердили и еще твердят о каком-то «разделе мира на

сферы влияния», меряя все на собственный аршин. Но разве в результате дипломатических переговоров, конференций, установления каких-то «сфер влияния» мир оказался разделенным с октября 1917 года на две социальные системы: социалистическую и капиталистическую? Это произошло под действием неодолимых исторических процессов. Ряд других стран также был чреват тогда социалистическими революциями, но буржуазия Запада задушила их.

После второй мировой войны этого империализму уже так не удалось. Тогда-то правящие деятели Запада во главе с Соединенными Штатами Америки решили превратить Западную Европу в военный лагерь. Замысел Чемберлена о военно-политическом блоке «западных демократий» с германским милитаризмом нашел воплощение во включении Западной Германии в состав участниц НАТО. Североатлантический блок был сколочен весной 1949 года, а уже на следующий год Джон Фостер Даллес писал в своей книге «Война и мир»: «Мы пытаемся решить конструктивную и важную задачу для спасения западной цивилизации, чтобы эта цивилизация служила тем магнитом, который привлечет Восточную Европу к Западу».

В связи с тем что антисоветские, антикоммунистические страсти раздувались пропагандой Запада вокруг событий в Чехословакии весной—летом 1968 года будто бы под флагом «защиты гуманного социализма», не мешает напомнить, что отцом такой тактики был не кто иной, как Даллес.

...Это происходило 13 июня 1955 г. Канцлер Аденауэр прибыл в тот день с визитом в Вашингтон и встретился с государственным секретарем США Даллесом. Обсуждению подверглось международное положение. Прошло немногим более двух лет после первого выступления Даллеса на посту государственного секретаря, в ходе которого он заговорил об «освобождении» Восточной Европы. Встретившись с глазу на глаз с таким же матерым антикоммунистом, как и он сам, Даллес коснулся излюбленной темы. Он заявил, что не ждет «ощутимых результатов» в течение ближайших месяцев. А дальше? И тут государственный секретарь США поведал Аденауэру о надеждах на так называемое «мирное освобождение» Восточной Европы. Эти фразы звучали в его устах так же, как в устах Чемберлена звучали фразы в беседах с

Гитлером о важности «мирного решения» судетской проблемы.

Аналогия уж не такая необычная. Даллес носился с планами «отбрасывания коммунизма». Аденауэр, как и Гитлер, провозглашал Западную Германию «плотиной против коммунизма».

В своих мемуарах Аденауэр таким образом воспроизводил содержание упомянутой выше беседы с Даллесом. «С его, Даллеса, точки зрения,— писал Аденауэр,— важно пробудить в государствах-сателлитах (так именовались суверенные социалистические страны Восточной Европы.— Авт.) национальный импульс... Запад должен действовать таким образом, чтобы не задерживать этого процесса, а поощрять его... Если Запад останется сильным, то не исключена возможность мирного освобождения Восточной Европы»².

Если учесть, что с таким «мирным освобождением» стран Восточной Европы в Западной Германии связывались и связываются надежды на восстановление рейха в границах по крайней мере 1937 года, то станет ясным, что подобная стратегия во многих ее чертах повторяет стратегию мюнхенцев. Та же ставка на противопоставление стран Центральной и Восточной Европы Советскому Союзу. Те же расчеты на действие внутри этих стран подрывных элементов. Та же ставка на милитаристские и реваншистские круги в Западной Германии как орудие империалистов.

Весной 1956 года Даллес в публичном выступлении приоткрыл суть своей новой тактики (но прежней стратегии). Он сказал, что США могут без эмоций отнестись к тому, что в восточноевропейских странах «руководителями общественной жизни являются коммунисты»³. Оратор лукавил. Что-то, а эмоций по этому поводу у господ на Западе хватало. Даллес набрасывал легкую маскировку. Суть его политики заключалась в том, чтобы вести борьбу за «отрыв этих людей от Москвы». Остальное было бы более легким делом для таких как Даллес. Ведь с разрушения чехословацко-советского договора о взаимопомощи Чемберлен и компания в конце 30-х годов повели дело к уничтожению самой Чехословакии.

□

² «Известия», 13 сентября 1968 г.

³ Там же.

Известные факты говорят о том, с какой интенсивностью нащупывали политики Бонна начиная с 1966 года «каналы» для тихого, незаметного внедрения в Восточную Европу.

Вполне возможно, что в ходе упомянутой беседы Даллеса с Аденауэром рассматривались конкретные страны на востоке Европы, призванные стать первоочередными объектами стратегии «мирного освобождения». В тех же мемуарах Аденауэр то и дело упоминает о планах расширения на Восточную Германию милого его сердцу образа жизни в Западной Германии. Главная роль при этом отводилась нагнетанию международной напряженности как рычагу давления на СССР. После окончания Женевского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии летом 1955 года Аденауэр направил Даллесу паническое письмо по поводу «опасностей, перед которыми оказался свободный мир». Он писал: «Нет ни единого факта, который доказывал бы, что русские отказались от планов завоевания всего мира»⁴. Тут же он давал понять, что разрядка напряженности нанесет удар по перспективе реставрации капитализма в странах Восточной Европы.

Ход событий в послевоенный период свидетельствовал о том, что в основе развязанной Западом холодной войны лежали расчеты на восстановление капиталистических порядков в странах Восточной Европы. Этот замысел маскировался утверждениями о «военной опасности» для Западной Европы, будто бы исходящей от СССР.

Теперь задним числом некоторые из творцов этого курса признают если не всю правду, то полуправду, указывая, что предпринимавшиеся шаги основывались на «ошибочных предположениях». Бывший американский дипломат Дж. Кеннан, который считается одним из архитекторов Североатлантического блока, ныне заявляет следующее: «Создав НАТО, американские политики произвольно провели линию в Европе против атаки, которую никто не планировал...»⁵.

Да, это так. Но еще точнее будет сказать, что инициаторы НАТО руководствовались замыслами сокрушения социалистических режимов в странах Центральной и

□

⁴ «Известия», 13 сентября 1968 г.

⁵ Там же.

Восточной Европы. Недаром при сколачивании НАТО в 1949 году делались ссылки на события в Чехословакии в феврале 1948 года как на решающий фактор, вызвавший к жизни этот блок. В феврале 1948 года народ Чехословакии, руководимый компартией, дал мощный отпор про-искам реакции. 12 министров — представителей буржуазных партий и правых кругов подали тогда заявление об отставке, стремясь вызвать политический кризис и сформировать правительство без участия коммунистов. Твердость и бдительность народа сорвали интриги. Борьба завершилась победой трудящихся масс. Такой поворот событий в Чехословакии привел в ярость те круги на Западе, которые стремились удержать ее в орбите капитализма и связывали с этим далеко идущие расчеты на реставрацию капиталистических порядков во всей Восточной Европе.

Сказанное выше представляет интерес не только с точки зрения истории, хотя бы и недавней. Вопрос состоит в том, будут ли извлечены из этой истории необходимые уроки на будущее, чтобы человечество могло двигаться вперед по пути укрепления мира и безопасности, а не оказалось отброшенным к худшим временам холодной войны, чреватым в нынешних условиях тяжкими последствиями для дела всеобщего мира. Ибо одним из серьезнейших источников международной напряженности были и остаются попытки реакционных кругов Запада создать условия для ликвидации социалистических завоеваний в странах, входящих в социалистическое содружество.

В этом смысле шумиха, поднятая весной — летом 1968 года на Западе вокруг событий в Чехословакии, лишний раз показывает, что многим деятелям и правительствам капиталистического мира еще предстоит усвоить уроки не столь давней истории.

„В доме повешенного не говорят о веревке». В доме палача-висельника — тем более! Так, видно, рассуждали многие органы буржуазной прессы в Англии и других странах Запада в конце сентября 1968 года, когда исполнилось 30-летие мюнхенского предательства. Британская «большая пресса» хранила по этому поводу неловкое молчание. Газета «Гардиан» поместила краткий исторический обзор, посвященный постыдной для правящих кругов Лондона дате. Зато издания Флит-стрит были заполнены измышлениями о положении в Чехословакии. Больше всего старались на этом поприще газеты, ратовавшие за политику «умиротворения» фашистских агрессоров. У Чемберлена не было более громкого рупора, чем «Таймс» с ее главным редактором Доусоном. Он писал в дневнике в середине сентября 1938 года (позднее это было предано огласке), что близость к Чемберлену позволила ему заранее узнать о согласии британского правительства на расчленение Чехословакии нацистами. Это, ликовал Доусон, «дает возможность подготовиться к событию, приступить к редакционной статье, заготовить заголовки и дипломатические комментарии»!¹

Изменилась ли газета «Таймс» за истекшие 30 лет? У нее — другие хозяин и редактор: из рук Асторов она перешла во владение лорда Томсона. Перемена по форме, а не по сути. Клиентура «Таймс» — по-прежнему элита господствующих классов страны, всех тех, кто, несмотря на распад империи, на ослабление позиций Англии на международной арене, имеют возможность жить припе-

□

¹ J. E. Wrench, George Dawson and our «Times», L., 1955, p. 376.

ваючи. Полосы этой газеты, как и многих других органов буржуазной прессы, являли собой примечательное зрелище при освещении событий в Чехословакии в 1968 году. Дух Чемберлена, Доусона, Боннэ витал над страницами «Таймс» и ей подобных. С «переменами» в Чехословакии связывались надежды реакционных кругов Запада на желанные этим господам «перёмены» во всей Восточной Европе. «Таймс» откровенно подсказывала Чехословакии: «Если чехи и словаки хотят строить более свободное общество, они вынуждены будут порвать с Москвой»². Это было «рецептом» мюнхенцев — сломать подпорки безопасности в Европе.

Такие высказывания созвучны тому, что появлялось на страницах ведущей прессы Запада в 30-х годах, когда франко-советский и чехословацко-советский договоры о взаимопомощи служили объектом нападок со стороны кругов, вознамерившихся вместо системы коллективной безопасности соорудить в Европе широкое антисоветское объединение.

Враждебность к СССР, к силам прогресса вообще определяет сочувственное отношение многих буржуазных авторов к политике «умиротворения», к Мюнхену, когда они берутся за рассмотрение истории тех лет. Книжный рынок на Западе продолжает наводняться публикациями, рисующими организаторов мюнхенского предательства в розовых, светлых тонах. Приводятся сотни «объяснений» действий Чемберлена и его последователей, но умалчивается о главном — о том, что в правительственных кабинетах Запада бились над организацией антисоветского заговора, отводя фашистским державам роль основного исполнителя замышлявшегося злодейства против дела мира и безопасности.

Вначале, когда еще не вышли в свет многие документы, относящиеся к закулисной стороне дипломатии мюнхенцев, буржуазная историография могла рассчитывать на неосведомленность, на короткую память людей на Западе, хотя, конечно, не нужно было копаться в архивах для пригвождения к позорному столбу инициаторов политики «умиротворения». Общеизвестных фактов было более чем достаточно!

Раскрытие архивов ничего не меняло в существе из-

□

² «К событиям в Чехословакии», вып. I, М., 1968, стр. 102.

вестной исторической правды о Мюнхене, добавляя новые детали, штрихи к отталкивающей панораме великосветской игры с жизнями миллионов людей, с судьбами всеобщего мира. Однако адвокаты мюнхенцев проводили свою линию, невзирая на припирающие их к стенке неопровержимые факты. Публикация в Англии в начале 1969 года материалов из правительственных архивов о действиях клики Чемберлена в 1938 году обнажила новые темные углы и закоулки мюнхенской политики. Как же реагировала на это буржуазная пресса Англии? Самое большее, на что решались в редакциях Флит-стрит, причем далеко не всех, — это на признание ответственности Чемберлена и компании за расчленение Чехословакии осенью 1938 года. В многочисленных комментариях буржуазных обозревателей старательно обходится вопрос о движущих пружинах такой политики — о стремлении правительств Англии и Франции направить фашистскую агрессию против Советского Союза. Историк Ян Колвин, выступая на страницах ультраконсервативной «Дейли телеграф», утверждал, будто преданные огласке британские документы не содержат доказательств намерения Чемберлена толкнуть Гитлера против Советского Союза.

Ян Колвин «забывает», что инициаторы Мюнхена хотели, но не сумели осуществить свой замысел. Вермахт двинулся сперва против западных держав, то есть предпочел линию наименьшего сопротивления. Планы антисоветского похода были, но им не суждено было осуществиться, как того желали в кабинетах мюнхенцев. Несостоятельность подобных расчетов выдается за их отсутствие!

Характерно, однако, что в буржуазной литературе, посвященной мюнхенской конференции, встречаются свидетельства, авторы которых, бросая ретроспективный взгляд на тот период, выражают горькое сожаление по поводу сорвавшейся ставки на организацию крестового похода против СССР с начала второй мировой войны. Жан Монтиньи, депутат французского парламента с 1924 по 1942 год, приветствовавший мюнхенское соглашение, в книге «Заговор против мира» выражает крайнюю досаду, что «немецкий паровой котел не взорвался на Востоке»: «Русские пространства, климат, славянский патриотизм обуславливали то, что война на Востоке затянулась бы, что воюющие стороны были бы измотаны и

Западу было бы предоставлено время на совершенствование вооружений»³.

В англо-американской литературе есть целая школа авторов, чьи усилия направлены на возвеличивание главного столпа мюнхенской политики — Невилля Чемберлена. 18 марта 1969 г. в Лондоне был устроен банкет в ознаменование 100-летия со дня его рождения. За столом собралась компания нераскаявшихся мюнхенцев — Дуглас Хьюм, служивший парламентским секретарем Н. Чемберлена в конце 30-х годов; Лэсли Роуэн, личный секретарь премьера, а ныне — председатель концерна «Виккерс»; лорд Батлер, являвшийся заместителем министра иностранных дел Галифакса в тот период, и др.

Лидер консервативной оппозиции Э. Хит превознес Н. Чемберлена, назвав его «одним из самых великих и наиболее успешных министров в вопросах внутренней политики». Это говорилось о человеке, чьи интриги с гитлеровцами поставили Англию весной 1940 года на край пропасти! Другой консерватор, бывший премьер Г. Макмиллан, приоткрыл ларчик, заявив, что лично заинтересован в том, чтобы содействовать реабилитации британских премьеров⁴. Сказано было шутливо, но звучало весьма примечательно. По ряду причин для нынешних столпов Англии нужно окружить светлым ореолом вдохновителей мюнхенской политики.

Из этой среды раздавались громкие стенания осенью 1968 года по поводу «участи Чехословакии». Могильщики, на чьей совести была расправа с независимостью Чехословакии в 1938—1939 годах, на этот раз пытались щеголять в одеждах ее «защитников». Послушать их — получалось, будто эти деятели забыли о своей консервативной твердолобости и решили записаться в сочувствующие чехословацким коммунистам! Была бы воля этих господ, — они, не церемонясь, снова пожертвовали бы жизненными интересами других народов во имя утоления своих антикоммунистических appetitов.

Руками таких деятелей написаны «работы», полные восхищения Чемберленом за отстаивание им антикоммунистического курса. Такова биография Н. Чемберлена, подготовленная в начале 60-х годов видным деятелем

³ J. Montigny. Le complot contre la paix. 1935—1939, P., 1966, p. 11.

⁴ См. «The Times», 19.III.1969.

консервативной партии Яном Маклеодом. Работая над биографией, Я. Маклеод заявил 5 января 1959 г. в интервью лондонской газете «Ньюс кроникл»: «Я с большим удовольствием занимаюсь этой работой. Чемберлен — человек, которым я безгранично восторгаюсь»⁵.

Что это: чисто субъективное суждение, не обязательное для внимания общественности? Возьмем, однако, Британскую энциклопедию. Что можно найти в ней о мюнхенской конференции и ее главном архитекторе? Любопытствующего ожидает сюрприз. В издании, состоящем почти из трех десятков объемистых томов, нет даже мелкой заметки, специально посвященной мюнхенской конференции, хотя имеется много статей о разных международных конгрессах, конференциях и т. п. Зато статья о Невиле Чемберлене, помещенная в энциклопедии, характеризует его деятельность как «упорное и храброе (!) служение делу мира».

Своеобразной формой оправдания профашистских усилий правящих политиков Запада в 30-х годах служат утверждения буржуазных историков о их якобы некомпетентности, наивности, ошибках и тому подобном, что оставляет сознательно в тени вопрос о коварном, тщательно планировавшемся курсе на доверительную договоренность с Берлином, Римом, Токио в целях блокирования против Советского Союза.

Так, например, преподаватель Оксфордского университета М. Джилберт в книге «Корни политики умиротворения» изображает политику умиротворения как благородную идею, основанную на христианской морали, на мужестве и здравом смысле... Автор ставит вещи с ног на голову, заявляя, будто линия «умиротворения» исходила из умонастроений общественности, хотя на самом деле эта линия навязывалась населению Запада с помощью настойчивой пропаганды вдохновителей капитулянтского, профашистского курса. В книге делается примечательный вывод, что «возвышение Гитлера и все более многочисленные сообщения о росте экстремизма в Германии дали новый импульс английской политике умиротворения»⁶. В этом смысле Гарольд Вильсон и его кабинет повторяют в конце 60-х годов своих консерватив-

□

⁵ «News Chronicle», 5.I.1959.

⁶ M. Gilbert, The Roots of Appeasement, L., 1966, p. 126.

ных предшественников конца 30-х годов. Усиление позиций Западной Германии в системе атлантического блока заставляет правящие круги Лондона еще активнее заигрывать с реваншистско-милитаристскими кругами ФРГ. Такая политика не содействовала и не содействует укреплению позиций Англии в Европе — совсем напротив.

М. Джилберт критикует мюнхенское соглашение не по моральным мотивам, а потому, что видит в нем выражение ослабления роли и веса Англии на международной арене. Но иначе и не могло быть. Уступки агрессивным силам еще ни разу не приводили к усилению тех, кто на такие уступки шел.

Другой английский историк У. Макелви в книге «Злосчастные годы Англии» упрекает Н. Чемберлена в некомпетентности. В этом он видит причину банкротства мюнхенской политики⁷.

Тактика сглаживания острых углов, умолчания о подлинных мотивах чемберленовских действий характерна для мемуаров бывшего министра иностранных дел Англии Антони Идена. Он занимал этот пост до начала 1938 года, когда вышел в отставку. Его несогласие с методами Н. Чемберлена во многих зарубежных исторических публикациях выдается за непринятие общего курса действий британского премьера в то время. Но у А. Идена, как и у многих других консервативных критиков Невилля Чемберлена, не было четкой платформы оппозиции политике «умиротворения». Не удивительно, что в своих мемуарах Иден склонен скорее извинять своего бывшего шефа, чем осуждать. Истоки такой позиции — тот же антикоммунизм, который свойствен Идену, как и его коллегам. В середине сентября 1968 года Иден выступил на страницах «Нью-Йорк таймс» с клеветническими нападениями на СССР и другие социалистические страны за их действия в защиту социалистических устоев в Чехословакии. В статье делался вывод о необходимости для Запада срочно укреплять Североатлантический блок. Где уж ожидать от автора подобных воинственных высказываний разоблачения махинаций мюнхенцев!

В последнее время на Западе появились «исследования», авторы которых идут в попытках извращения исторической правды дальше защиты клики Чемберлена —

□

⁷ См. W. McElwee, Britain's Locust Years, L., 1962, p. 258.

Даладье. Они берут на себя задачу перевертывания вверх дном общеизвестных фактов, относящихся к захватнической практике фашистских правителей. И поступают так не какие-нибудь недобитые нацистские последыши в Западной Германии, а дипломированные историки в США.

В 1968 году в Нью-Йорке вышла в свет книга Л. Томпсона «Величайшее предательство» — о «нерассказанной истории Мюнхена»⁸. Заголовок книги как будто бы правомерно характеризует Мюнхен как предательство. Но это обманчивое впечатление. Чудовищно, но факт, что огонь в книге концентрируется не против агрессора, а против жертвы агрессии — Чехословакии. Л. Томпсон договаривается до того, что объявляет, будто Гитлер и его агентура в Чехословакии — генлейновцы не были виновны в созданной для Чехословакии с весны 1938 года угрозе. Кризис, видите ли, возник из-за самих чехов! Возвеличивание фигуры Чемберлена является одной из главных целей автора. По Томпсону, Гитлер занимал «осторожную позицию» и чуть ли с неохотой проглотил свою жертву. Автор заявляет, что говорить о Мюнхене как о предательстве можно лишь в таком смысле: «Верный поступок, сделанный исходя из неверных посылок»⁹. В том же ряду «перлов» находится утверждение, что, отдав Гитлеру важнейшие районы Чехословакии, Чемберлен чуть ли не спас мир от фашизма, ибо, по словам автора, если бы конфликт вспыхнул осенью 1938 года, то привел бы к триумфу нацистов.

Это — заведомая ложь, и она легко разоблачается известными фактами не только о соотношении военных сил в Европе в конце 30-х годов, но и о назревании внутри верхушки в Берлине заговора против Гитлера весной — летом 1938 года в связи с тревогой видных генералов вермахта о неизбежности краха планов фюрера, если бы он попытался пойти на военный захват Чехословакии. Заговорщики вошли в контакт с правительством Чемберлена, однако тот настолько доверял ненависти к коммунизму фюрера, что считал его самым желанным партнером в проводившейся антисоветской игре, не делая ставку на его соперников. Более того, стремление Чемберлена

□

⁸ L. Thompson, *The Greatest Treason*, N. Y., 1968, ch. VII.

⁹ *Ibid.*, p. 263.

убедить Гитлера воздержаться от «военного решения судетской проблемы» объяснялось его боязнью, как бы в таком случае нацизм, а с ним вообще фашизм в Европе не были сметены со сцены. В самом конце 1938 года эмиссар Чемберлена в Берлине Н. Гендерсон писал в своем дневнике: «Кем бы ни был Гитлер, он является политическим гением, так же как и аморальным оппортунистом, и национал-социализм — одна из величайших сил нашей эпохи»¹⁰.

Есть своя закономерность в том, что сегодняшние партнеры западногерманского милитаризма внутри НАТО пытаются навести лакировку на черные дела покровителей нацистских агрессоров в 30-х годах.

□

¹⁰ Цит. по «The Times», 1.1.1969.

МЮНХЕН НЕ ПОВТОРИТСЯ

Правомерно ли ставить вопрос об опасности нового Мюнхена? Соотношение сил в Европе и во всем мире ныне иное, чем до второй мировой войны. Претендентам на перекройку европейских границ противостоят государства оборонительного Варшавского Договора, насчет военной мощи которых никто не должен заблуждаться. Образование мировой системы социализма открыло новые возможности влиять на события на международной арене в интересах сил социализма и прогресса. По мере движения вперед Советского Союза и всего социалистического содружества эти возможности будут увеличиваться.

Реализация этих благоприятных для социализма возможностей требует, естественно, больших усилий, напряженной борьбы.

Антикоммунизм по-прежнему является одним из основных движущих мотивов внешней политики ведущих держав Запада. Антикоммунизм лежит в основе действия Североатлантического союза, нацеленного против Советского Союза и других социалистических стран.

Во-вторых, на европейской почве, в Западной Германии, действуют неонацистские, реваншистские силы. К концу 1928 года нацистская партия насчитывала немногим более ста тысяч членов и имела в рейхстаге 12 депутатов. Спустя два года ей удалось протащить в рейхстаг уже 107 депутатов и ускоренными темпами вести дело к фашистской диктатуре. На выборах в Баварии в ноябре 1966 года национал-демократическая партия фон Таддена, воспринявшая почти без изменений девизы нацистов, провела в мюнхенский ландтаг 15 представителей.

В других землях ФРГ сторонники фон Таддена за-

воевывали позиции в районах с развитой промышленностью, с преобладанием социал-демократов, так же как в аграрной, консервативной Баварии.

В-третьих, воинствующие круги международной реакции, как и перед второй мировой войной, делают сейчас ставку на разъединение, раскол миролюбивых сил, направляя усилия на подрыв социалистического содружества и мирового коммунистического движения.

Завоевания социализма, трудящихся масс, если не стоять бдительно на их страже, могут быть подорваны там, где реакция не получает должного отпора. Реакционные перевороты в некоторых странах Азии и Африки, в результате которых были устранены деятели и правительства, проводившие антиимпериалистическую политику, подтверждают это.

Невиль Чемберлен накануне мюнхенской конференции говорил о Чехословакии как о «далекой стране», чья участь безразлична для Англии. Для Советского Союза, для других стран социализма, верных делу пролетарского интернационализма, не может быть «далеких стран», когда речь идет о защите, отстаивании интересов мира и прогресса. Вьетнам, Ближний Восток, Алжир, Куба, Ангола, Лаос, Кипр, Йемен... Народы многих стран в разных уголках земного шара могли убедиться и убеждаются в решимости Советского Союза оказывать им помощь в борьбе против империализма.

История свидетельствует, как рискованно играть с огнем, подбрасывать горящий материал в очаги военной опасности. Нельзя в одном районе земного шара вести дело к укреплению безопасности, а в другом — подрывать ее основы. «Мир неделим!» Ядерный век в еще большей степени связал судьбы мира и безопасности в разных уголках планеты в одно целое. Реваншистские, захватнические притязания в любом районе планеты угрожают всему миру.

Человечество живет в бурное время. Не прекращается гонка вооружений. Во Вьетнаме оружие в широких масштабах используется американскими интервентами против дела свободы и независимости. После того как территории ряда арабских государств были аннексированы израильской военщиной в июне 1967 года, напряженное положение возникло на Ближнем Востоке. Американские вооруженные силы после окончания второй мировой войны продолжают располагаться на территории десяти

стран в Западной, Северной и Южной Европе. Происходят инциденты вроде тех, какие были у Паломареса и берегов Гренландии, когда безответственные действия американской военщины создают угрозу для жизней миллионов людей.

Европа — главная арена противостояния сил империализма, с одной стороны, и социализма — с другой. Здесь развернута деятельность ударного кулака империалистов — Североатлантического блока. Основная база блока — Западная Германия не просто соприкасается с Германской Демократической Республикой и Чехословацкой Социалистической Республикой, но и действует против этих стран. На территории Западной Германии размещено до 300 тыс. американских солдат, более 50 тыс. солдат британской Рейнской армии. Там же сосредоточена подавляющая часть американского заморского ядерного арсенала. Из 7 тыс. боеголовок этого арсенала, находящихся в Западной Европе, основная доля размещена в Западной Германии.

Указание В. И. Ленина о том, что империализм — сила международная, полностью сохраняет свою актуальность. Следует принимать во внимание, что это **сила** с большими резервами, потенциалом и что масштаб ее действия обширен. Это значит, что нельзя по-настоящему, эффективно бороться с этой силой, если делать это в одном районе земного шара и не делать в другом. В таком случае империализм может совершить прорыв звеньев социалистического фронта, то есть осуществить то, что в нынешних условиях явилось бы новым Мюнхеном.

Для дела социализма **внутри** Чехословакии создалась весна — летом 1968 года угроза не менее серьезная, чем для Демократической Республики Вьетнам извне — в результате американской агрессии. Вьетнамский народ, руководимый своей закаленной и испытанной в жесточайших боях с захватчиками партией, встал на защиту своих завоеваний. Что же касается развития дел в Чехословакии, то силы реакции увидели для себя долгожданный шанс на подрыв там позиций социализма, когда после января 1968 года к здоровому процессу исправления и устранения имевшихся ошибок в государственном и партийном руководстве, в области экономики примазались элементы, стремившиеся столкнуть страну с пути социалистического развития. Под флагом «развития со-

циализма» стали предприниматься действия, угрожавшие ликвидацией социалистических завоеваний Чехословакии, отрывом ее от организации Варшавского Договора и вообще от социалистического содружества.

Факт активизации внутри Чехословакии антисоциалистических элементов после января 1968 года отрицать невозможно. Но, признавая этот факт, некоторые прогрессивно настроенные люди утверждали, что предпринятые Советским Союзом и другими союзными социалистическими странами решительные действия в защиту социалистических завоеваний в ЧССР будто бы не соответствовали степени возникшей опасности и будто бы эта угроза могла быть ликвидирована самим руководством ЧССР.

Сами руководители ЧССР в значительной степени ответили на эти утверждения, когда заявили после московских переговоров в конце августа 1968 года, что они «не принимали во внимание международную обстановку и стратегические и другие интересы своих союзников в качестве фактора в своем внутреннем развитии»¹.

Министр иностранных дел ФРГ Брандт 15 августа 1968 г. в беседе с корреспондентами подчеркивал «большую важность того, что происходит в Чехословакии в последние несколько месяцев». Он многозначительно добавлял: «Мы будем ожидать дальнейшего развития событий в рамках Варшавского Договора; они могут позднее привести к такой ситуации, которая позволит чехам действовать в соответствии с их желаниями»².

Каким чехам? Может, Людвигу Веселому, являвшемуся в то время заместителем редактора «Литерарни листы» в Праге? Позднее, в начале октября, Л. Веселый выступил в Бонне с рассуждениями о мюнхенском соглашении. Он заявил, что «не понимает», почему Прага требует от боннского правительства объявить мюнхенское соглашение недействительным с самого начала³. В тот же самый день в Бонне на эту же тему и примерно в таких же выражениях распространялся Вальтер Бехер — главарь «землячества судетских немцев». Так сошлись на общей для них почве западногерманский ре-

¹ «Международная жизнь», 1968 г., № 11.

² «Известия», 23 августа 1968.

³ См. «Suddeutsche Zeitung», 4.X.1968.

ваншист и один из чехов, который в решающие для Чехословакии дни предпочел найти убежище под крылом тех, кто точит ножи против социалистической Чехословакии.

Близкая к правящим кругам Бонна газета «Генераль-анцайгер» цинично заявляла: «Судетские немцы будут ожидать от Чехословакии, освобожденной от коммунизма, возврата к Мюнхенскому соглашению, по которому осенью 1938 года Судетская область отошла к Германии»⁴.

Ныне совсем нетрудно догадаться, почему некоторые правящие политики на Западе почувствовали прилив надежд в связи с осложнением внутреннего положения в Чехословакии весной — летом 1968 года. Даже если бы там в этот период не было других отрицательных для дела социализма явлений, уже один факт антисоветских выступлений некоторых «радетелей за социализм» должен был настораживать. Антисоветского «социализма» быть не может, как не может быть «демократии» вне и без классового содержания. Поэтому те, кто выражал несогласие с решительными действиями СССР и его союзников в отстаивании социалистических завоеваний в Чехословакии, ссылаясь при этом на принципы равноправия, суверенитета, самостоятельности, смешивали разные вещи: акции, направленные на пресечение происков антисоциалистических, контрреволюционных элементов ЧССР выдавались за меры, направленные против устранения допущенных в ходе социалистического строительства ошибок и недостатков. Но как могут социалистические страны быть заинтересованы в торможении мер, призванных сделать социализм еще более эффективной и действенной системой, работающей на благо трудящихся!

Социализм создал предпосылки для подлинно равноправных, братских отношений между государствами большими и малыми, экономически более сильными и менее развитыми. Конечно, тем самым не снимаются все проблемы в отношениях между ними. Становление нового в странах, избавившихся от ига капитализма, является не всегда ровным, гладким процессом, но встречающиеся на данном пути трудности, шероховатости не идут

□

⁴ «К событиям в Чехословакии», стр. 104.

в сравнение с тем, что пришлось вынести советскому народу в строительстве социализма в условиях капиталистического окружения. Страны, где власть перешла к трудящимся, к их политическому авангарду — коммунистическим и рабочим партиям, — уже не являются островами среди бушующего моря. С ними рядом стоял и стоит Советский Союз, они объединяют усилия на многих участках хозяйственного строительства, обороны, дипломатии.

Господа на Западе ничего так не желали бы, как замыкания в своей скорлупе каждой социалистической страны. Поведение буржуазных деятелей Запада в период, когда СССР находился в капиталистическом окружении, показывало, какое значение придавали они изоляции первого в мире рабоче-крестьянского государства, лишению его симпатий, поддержки миллионов людей в других странах, попыткам заставить советских людей забыть об интернациональном долге. Из этих попыток ничего не вышло и выйти не могло.

Советской державе пришлось выдержать не один враждебный наскок со стороны международной реакции, пытавшейся поколебать решимость нашей партии, нашего правительства оказывать поддержку антиимпериалистическим движениям, жертвам фашистской агрессии, когда она стала фактом.

А ведь советскому народу самому необходимо было напрягать силы, во многом себе отказывать для создания развитой промышленности, обороны, опираясь в силу суровой необходимости в основном только на самих себя, ибо «просвещенный Запад» заломил бы за свои кредиты такую политическую цену, которую СССР не мог принять, не поступаясь принципами того, во имя чего проливали кровь рабочие и крестьяне России, штурмуя твердыни эксплуататорского строя.

Государства, вставшие на путь социализма, различаются между собой по своей истории, уровню экономики, национальным особенностям. Эти различия можно выпячивать, гипертрофировать или же рассматривать в рамках того единого, целого, что роднит все социалистические страны, делает их братьями, участниками одной громадной стройки — сотворения нового общества. Социалистические страны идут по неизведанной, непроторенной дороге как в области внутреннего строительства, так в своих межгосударственных отношениях. И от того, как склады-

ваются эти отношения, в значительной степени зависит ход коммунистического и социалистического строительства.

Борьба за устранение опасности новой мировой войны стала одним из важнейших условий успешного решения задач строительства социализма и коммунизма, развития всего мирового революционного процесса. Эта борьба дает наилучшие результаты, когда силы, выступающие против реакционных, агрессивных кругов, сплочены и солидарны.

Коварные расчеты и замыслы империалистические политики строят в отношении Европы. В выступлении президента США Джонсона от 3 мая 1966 г. выражалась надежда, что в странах Восточной Европы будут восприимчивы к идеям «частного предпринимательства», что будут падать «политические барьеры», «откроются окна в сторону других стран мира» и т. д., и т. п. И тут же Л. Джонсон подчеркивал, что «интегрированная атлантическая оборона является первой необходимостью для примирения разногласий с Востоком», что «стремление к единству в Западной Европе не только желательно, но и необходимо».

Вот идеал Вашингтона: Восточная Европа, в которой Соединенные Штаты Америки со своим близким партнером — Западной Германией — обретают пространство для «игры»! Аппетиты большие.

Бдительность, зоркость, единство европейских социалистических стран позволили обеспечить мир на континенте, срывают махинации реваншистов. Можно указать на успешную борьбу стран социализма против планов так называемых «многосторонних ядерных сил» НАТО, в рамках которых бундесвер должен был получить доступ к контролю над ядерным оружием. Вокруг этого вопроса в течение 1964—1967 годов разворачивалась упорная борьба. Она увенчалась победой миролюбивых сил. Большой резонанс имели предложения Польской Народной Республики по созданию безатомной зоны в Центральной Европе, инициатива Германской Демократической Республики, обратившейся к ФРГ с предложением о нормализации отношений между двумя государствами, усилия социалистических стран на Балканах для оздоровления там обстановки и образования зоны, свободной от ядерного оружия. Возможности осуществления активных акций каждой из социалистических стран в интересах раз-

рядки напряженности и урегулирования нерешенных проблем — велики.

Ответственность стран социализма за сохранение мира, предотвращение и отражение империалистических провокаций будет повышаться. Правящие круги ведущих капиталистических стран пускают в ход все более изощренные средства, все более крупные ресурсы в попытках подрыва социалистического содружества, как об этом свидетельствует возня, поднятая на Западе вокруг Чехословакии весной — летом 1968 года.

Любители чужого добра, непрошеные «арбитры» между народами, претенденты на роль новоявленных фюреоров — вся эта разномастная, но питающая одинаковую пенависть к силам социализма компания воочию убеждается в решимости братских социалистических стран отстаивать великие исторические завоевания, доставшиеся трудящимся ценой тяжелой борьбы.

Предпринятые Советским Союзом и другими социалистическими странами действия в защиту основ существующего строя в Чехословакии — это и действия, призванные исключить повторение Мюнхена под другой оболочкой и в других условиях.

Силы, вызвавшие катастрофу второй мировой войны, не исчезли. Точно известен и их адрес. Чешская пословица гласит, что «когда птичку ловят, то увлекают ее песней». «Ловцы» в стане реакции придают большое значение дезориентации и дезинформации общественного мнения.

Пропагандистский туман, заслонивший от многих людей на Западе истинный смысл совершенного в Мюнхене в 1938 году, быстро рассеялся, и тогда все увидели, что фашистские хищники не только не «умиротворены», но спущены с цепи. Осенью 1968 года реваншистско-милитаристские круги в Западной Германии громче всех бесновались по поводу «событий в Чехословакии». Ахали и охали те, чьи планы расшатывания пограничных столбов потерпели неудачу. Под существующими границами в Европе крепкий фундамент: Потсдамские и другие соглашения, предусматривающие недопущение возрождения очагов агрессии в Европе. На страже этих соглашений стоит Советский Союз и другие социалистические государства, а вместе с ними — миллионы людей в Западной Европе и во всем мире.

СССР и другими социалистическими государствами

в порядок дня европейской политики поставлен вопрос о создании на континенте системы коллективной безопасности. Это гарантировало бы Европу от вооруженных конфликтов, помогло бы развитию равноправного делового сотрудничества на континенте, оказало бы благотворное воздействие на дело всеобщего мира и безопасности. На этом пути немало трудностей и препятствий. Но и Европа сегодня — это в значительной степени обновленный, омоложенный континент. Говорят, что вера горы сдвигает. И те, кто верит в лучшее будущее, трудятся, борются во имя этого будущего.

СОДЕРЖАНИЕ

Предвестники чехословацкой трагедии — 8

Заговорщики за работой — 17

Друзья познаются в беде — 27

«План Зет» — 34

Четыре часа и семь лет — 54

Короткая память и большие аппетиты — 65

Задним числом — 78

Мюнхен не повторится! — 86

**Викентий
Александрович
Матвеев**

**МЮНХЕН
НЕ ПОВТОРИТСЯ!**

**Редактор
Н. А. Филатова**

**Обложка художника
В. В. Гарбузова**

**Художественный редактор
Г. Ф. Скачков**

**Технический редактор
А. А. Павловский**

**Корректор
Н. А. Борисова**

А-05267. Сдано в набор 21/VII 1969 г. Подписано в печать 10/XII 1969 г. Формат 84×108¹/₃₂, Бумага тип. № 2. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 4,74. Тираж 30 000 экз.

Издательство «Международные отношения», Москва, И-90, Мещанская, 7

Зак. № 484

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Ярославль, ул. Свободы, 97, Цена 14 коп.

14 коп.

